

ЕВРИПИД

ГЕКУБА¹

Перевёл с древнегреческого Вланес

ПРИЗРАК ПОЛИДОРА²

Покинув мир теней и сумрачные доли,
где царствует Аид, с богами не общаясь,
пришёл я, Полидор, сын дочери Киссея,³
Гекубы. Царь Приам, отец мой благородный,
когда фригийский град крушила рать Эллады, 5
за жизнь мою боясь, меня тайком из Трои
во Фракию послал, где правит Полиместор,
который сеет рожь⁴ в долине херсонесской,⁵
господствуя копьём⁶ над родом конелюбцев.⁷
Отец послал тайком и золото со мною, 10
чтоб, если упадут засовы Илиона,
хватило бы на жизнь всем детям уцелевшим.⁸
Я выбран был отцом, как самый младший мальчик

---

¹ Правильнее по-гречески «Гекаба» (Еκάβη), однако в русском языке уже закрепилась латинизированная форма этого имени, «Гекуба» (Hecuba). Скрепя сердце следуя традиции, но оставляю всем желающим право заменить в моём переводе «Гекубу» на «Гекабу», если им этого хочется. «Гекуба» – одна из наиболее популярных трагедий Еврипида. Она была создана примерно в 424 году до н.э. и впервые поставлена, скорее всего, в Афинах. Перевод выполнен с древнегреческого языка по изданию Диггла: *Euripidis Fabulae*. Edidit J. Diggle. Tomus I. Oxford Classical Texts. Oxford: Clarendon Press, 1984. 333-98. При работе над переводом были использованы в основном комментарии Хэдли (*The Hecuba of Euripides*. W.S. Hadley, ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1923), Шеппарда (*Euripides. Hecuba. Partly in the Original and partly in Translation*. J.T. Sheppard, ed. Oxford: Clarendon Press, 1960. 1st ed. 1924) и Грегори (*Euripides: Hecuba*. J. Gregory, ed. American Philological Association. Textbook Series. Ruth Scodel, ed. No. 14. Atlanta, Georgia: Scholars Press, 1999). Перевод сверен с подстрочной английской версией Ковача: *Euripides. Andromache*. Edited and Translated by David Kovacs. Vol. II. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1995. 391-519.

² Полидор (Πολύδωρος) – троянский царевич, сын царя Приама и Гекубы. По одной из версий мифа, был отправлен Приамом с троянскими сокровищами к царю Херсонеса Фракийского Полиместору. Узнав о гибели Трои и желая завладеть сокровищами, Полиместор убил Полидора и выбросил его тело в море. Шеппард: «Этот знаменитый призрак является предком, через Сенеку, многих елизаветинских призраков, особенно отца Гамлета и жертв Ричарда III. Однако это не первая сцена с призраком в трагедии. В *Персах* [Эсхила – В.] Дарий вызывается [из мира мёртвых] с помощью восточных заклинаний. В *Эвменидах* [тоже Эсхила – В.] дух Клитемнестры пробуждает Фурий. В *Поликсене* Софокла тень Ахилла вышла из гробницы <...>. Призраки времён Сенеки и Елизаветы взывают о мщении. Дух Полидора ничего такого не просит. Просто он не может упокоиться в Аиде, пока не будет погребён».

³ Киссей (Κισσεύς) – царь Фракии, отец Гекубы.

⁴ Разумеется, не лично, а руками своих подданных.

⁵ Имеется в виду Херсонес Фракийский — древнее название полуострова и города на нём во Фракии (ныне полуостров Галлиполи в Турции).

⁶ Это подразумевает, что Полиместор не был избран народом, но захватил власть силой.

⁷ Конелюбец (φίλλος) – фракийцы были знамениты своими конями.

⁸ От своей первой жены Арисбы Приам имел одного сына, Эсака, от второй (Гекубы) сыновей Гектора, Париса (Александра), Деифоба, Гелена, Полидора и ещё пятерых, а также дочерей: Креусу, Лаодику, Поликсену, Кассандру, Илиону. Вместе с детьми от других женщин у него было 50 сыновей и 50 дочерей (или всего 50 детей). Сведения о количестве приамовых детей разнятся, однако ясно, что золота нужно было очень много, чтобы обеспечить достойную жизнь хотя бы нескольким из них.

в его большой семье. Я не носил доспехов,
 не мог поднять копье младенческой ручонкой. 15
 Пока держался ряд камней пограничных,⁹
 пока уцелевал кремён троянских башен,
 и Гектор, братец мой, одерживал победы,
 я у фракийца рос, приятеля отцова,
 беспечно, как цветок, себе же на несчастье. 20
 Как только Гектор пал, и Троя прахом стала,
 и рухнул дом отца, которого жестоко
 над главным алтарём, творением бессмертных,¹⁰
 зарезал Ахиллид рукою кровожадной,¹¹
 я, бедный, был убит союзником отцовым 25
 за золото моё и в хлябь морскую брошен,
 а наши сундуки в его остались доме.
 Я на песке лежу, я на волнах качаюсь,
 отлив меня берёт, прилив несёт обратно,¹²
 ни слёз, ни похорон... Я к матери любимой 30
 Гекубе, прилетел, покинув бремя тела,
 и вот уж третий день парю над ней тихонько,
 с тех пор, как в Херсонес явилась мать родная,
 страдальца моя, из разорённой Трои.
 Здесь и ахейцы все. Они перед судами 35
 в безмолвии сидят на берегу фракийском.
 Пелеев сын, Ахилл, над собственным курганом¹³
 явился и сдержал воителей Эллады,
 направивших домой своё весло морское.¹⁴

⁹ Шеппард: «До тех пор, пока пограничные камни страны оставались стоять прямо, т.е. пока греки не опрокинули их в знак завершения своего завоевания. Как частные земли, так и государственные территории обычно имели пограничные камни, обозначавшие пределы собственности и соответствующим образом надписанные, чтобы показать, кто являлся законным владельцем. Так, когда афинский царь Тесей завоевал мегарцев, он поставил на границе колонну, надписанную с ближней стороны: «Это Иония, не Пелопоннес», а с дальней стороны: «Это Пелопоннес, не Иония». Когда спартанцы отвоевали страну, они уничтожили этот камень. Подобным же образом греческие завоеватели не только сожгли Трою, но и систематически опрокидывали пограничные камни по всей троянской земле, чтобы показать, что земля больше не принадлежит своим прежним владельцам».

¹⁰ Хэдди: «Посейдон и Аполлон работали зодчими для Лаомедонта, царя Трои».

¹¹ Шеппард: «Неоптолем убил Приама, хотя тот искал защиты у алтаря Зевса. Упоминание этого отвратительного акта нечестивости призвано подготовить нас к той роли, которую играл Неоптолем в жертвоприношении Поликсены».

¹² Еврипид использует слово «διὰυλος», обозначающее двойной пробег (туда и обратно) колесниц на ристалище.

¹³ Ахилл был к тому времени уже мёртв. Речь идёт о его призраке. Хэдди: «[Имеется в виду] насыпь или курган [mound or barrow], на вершине которого ставилась <...> колонна в память об умершем, часто украшенная его скульптурным изображением, среди предметов, имеющих отношение к его [земным] занятиям. Изображения пиров и сцен прощания тоже находят часто».

¹⁴ Дословный перевод оригинала: «ἐναλίαν πλάτην» («морское весло»). Наверное, эта фраза означает «флот, привыкший к морским плаваниям», «корабли, жаждающие моря» или нечто подобное. В подобных случаях наилучшим выходом представляется не объяснять автора, но попытаться сохранить его манеру выражения, даже если она кажется странной и не сразу понятной. Это кажется тем более важным, что, возможно, Еврипид пытается передать речь мальчика, неискушённого в мореходстве и не умеющего выражаться правильно.

Сестрицу он мою желает, Поликсену, 40
как дань своей душе, как светоч погребальный.¹⁵
И он её возьмёт. Не будет он друзьями
без жертвы брошен здесь. Веленье роковое
ведёт сестру на смерть. Она умрёт сегодня.¹⁶
Два трупа двух детей до вечера увидит 45
родная мать: и мой, и дочери злосчастной.
Я, бедный, появлюсь, колеблемый волною,
у ног одной рабы, и буду похоронен.¹⁷
Я упросил богов, царящих под землёю,
могилу обрести, рук матери коснуться. 50
Исполнятся мечты моей недолгой жизни!¹⁸
Но мне пора идти. Покинула Гекуба
шатёр, который здесь поставил Агамемнон,
её так испугал мой призрак этой ночью!
Ужасно!¹⁹
Ах, матушка моя! Ты после кровель царских 55
на рабский смотришь день! Как страшно ты упала
с прекрасной высоты! Желает некий демон
страданием уравнивать исчезнувшее счастье!

ГЕКУБА²⁰

Выводите вы, дети, старуху!
Помогите подружке-рабыне, 60
вашей прежней царице, троянки!
Встаньте ближе, ведите, держите,
подхватите под ветхие руки!
Опершись на изогнутый посох 65
ваших преданных рук, я ускорю
слабый шаг, отягчённый годами!

Пламя Зевса!²¹ Смолистая темень!
Для чего приходил этой ночью
жуткий призрак? Земля дорогая! 70

¹⁵ Хэдли: «Согласно одной постгомеровской версии смерти Ахилла, он, влюблённый в Поликсену, пришёл на назначенное ею свидание и был там убит Парисом. Этим может объясняться его требование, чтобы её принесли в жертву».

¹⁶ Хэдли: «Сейчас, видимо, ночь или раннее утро».

¹⁷ Хэдли: «Души непогребённых не могли попасть на Елисейские поля, отсюда важность, придаваемая греками надлежащему погребению даже врагов».

¹⁸ Очень горькая строка, по психологическому напряжению одна из лучших у Еврипида. Об этом ли мечтал царевич из богатого и могущественного рода, такое ли будущее ему представлялось?

¹⁹ В оригинале – традиционное восклицание «фёй», т.е. «увы!»

²⁰ Гекуба говорит анапестами (со свойственными древнегреческому анапесту частыми отклонениями от нормы) и гекзаметрами. К сожалению, в русском языке невозможно передать вариации анапеста, поэтому приходится переводить строгим размером. Хэдли (по поводу начинающейся сцены): «Традиционным фоном на греческой сцене со середины пятого века был дворец или фасад храма. Это требуется в 17-ти из 25-ти сохранившихся пьес Соф[окла] и Евр[ипида]».

²¹ «Блеск Зевса» («στέρωτῃ Διός») – наверное, лучи восходящего солнца.

Матерь снов чернокрылых! Царица!
 Как прогнать наважденье ночное?
 Сын мой пригрезился мне, во фракийской стране сохранный,
 и Поликсену мою, дочь любимую, я повстречала 75
 в страшном блуждании сна! Я их видела! Я их узнала!²²

Боги тверди,²³ вы сына спасите!
 Он единственным якорем рода²⁴ 80
 в снежной Фракии держится прочно
 под охраной отцовского друга!
 Скоро что-то случится!
 Будет скорбная песня скорбящим!
 Никогда ещё сердце так буйно, 85
 так настырно не билось!
 Где Гелена божественный гений?²⁵
 Где Кассандру²⁶ найти мне, троянки,
 чтобы снам обрести объясненье?

Снилась мне пегая лань, лапой волка²⁷ кровавой убита, 90
 всю он её разорвал и с колен моих сбросил жестоко!
 Как боюсь я Ахилла!
 Он взошёл на курган и сердито
 просит в жертву одну из троянок,
 совершенно замученных горем! 95
 Вы несчастную дочь сохраните!
 Умоляю, всеильные боги!

²² Три завершающие строки этой строфы считаются подложными.

²³ Шеппард: «Она вызывает к подземным богам, потому что сны приходят из земли. Однако в этом есть трагическая ирония. На самом-то деле она, того не зная, молится мёртвым».

²⁴ Педантичное замечание Хэдли: «Небольшой анахронизм, поскольку во времена действия этой пьесы использовались не якоря, а тяжёлые просверленные камни». Шеппард: «Суда возили несколько якорей, и [фраза] “последний якорь” обычно означала последнюю надежду».

²⁵ Хэдли: «Гелен и Кассандра были оба детьми Приама, и у них был пророческий дар. От Гомера мы мало узнаём о Гелене, однако другие авторы сообщают нам, что он помирился с греками и поселился в Эпире, где принимал Энея». Шеппард: Гелен «был не мертвецом, но хуже – предателем. Перед захватом Трои он был пленён Одиссеем и пророчествовал для греков, открывая им способ, которым можно взять Трою. Софокл рассказывает эту историю в *Филокете*, а художник Полигнот в своей картине, посвящённой взятию Трои, которую Еврипид вполне мог видеть в Дельфах, изобразил Гелена “одетым в пурпурный плащ и сидящим в скорбной позе”, исполненным раскаяния за то, что он сделал. Его последующая жизнь в качестве иждивенца Неоптолема и наследника его эпирского царства, рассказывается Вергилием, *Эн[еида]* iii. Андромаха, которую назначили наградой Неоптолему, была брошена им ради Гермiony и отдана в жёны Гелену. Вергилий изображает её всё ещё хранящей верность памяти Гектора, и утверждающей, что судьба Поликсены предпочтительней её собственной. На той же знаменитой картине Полигнот изобразил Поликсену “с волосами, заплетёнными, как у девственницы”, а Неоптолема всё ещё убивающим троянцев после завершения битвы».

²⁶ Шеппард: «Это первое упоминание Кассандры, чья судьба противопоставляется по мере развития действия пьесы судьбе Поликсены. Пророчица, посвящённая Аполлону, теперь стала рабой Агамемнона, вместе с которым, как всем известно, была убита его женой, Клитемнестрой, когда он привёз её [Кассандру – В.] домой в Аргос».

²⁷ Иногда вся эта строфа, а иногда лишь две первые её строки считаются подложными. Мне кажется, достаточных оснований для этого нет. Сбивчивые, прерывистые слова ещё не полностью проснувшейся Гекубы прекрасно передают её смятение и ужас.

ХОР²⁸

Я, Гекуба, к тебе поспешила,
 убежав из шатра господина!
 Я по жребию стала рабою, 100
 уведённая из Илиона!
 Я добыча ахейского войска
 и копья с наконечником острым!
 Я страданья твои не уменьшу
 тяжким бременем новых несчастий! 105
 Я тут, женщина, вестница горя!
 Говорят, что на сходке ахейцев
 твоя доченька жертвой Ахилла
 названа! В золочёных доспехах,
 как ты знаешь, он встал на могиле 110
 и судам, уходящим в лазури
 под прилаженными парусами,
 закричал: «Вы куда же, данайцы?
 Вы могилу героя
 захотели без дара оставить?» 115
 И сошлись несогласные волны!
 Голоса копьеносцев²⁹ Эллады
 разделились: кто за, чтобы жертву
 принести на могиле, кто против!
 За тебя воевал Агамемнон,
 потому что он с вещей вакханкой³⁰ 120
 делит ложе. Сыны же Тесея,³¹
 два побега Афин, хоть две речи
 говорили, но были едины
 в том, что нужно могилу Ахилла 125

²⁸ Хор (или только Корифей) тоже говорит анапестами. Нужно сказать, что такое длинное повествование из уст Хора, к тому же в анапестах, необычно для Еврипида. Обычно мы ожидали бы нечто подобное в виде рассказа Вестника, в ямбических триметрах, и, конечно, не в начале пьесы.

²⁹ «Копьеносцы»: в оригинале «στράτων αἰχμητῶν», досл. «копьеносное войско». Здесь имеются в виду вообще все греческие воины.

³⁰ С Кассандрой, дочерью Гекубы. Она называется вакханкой за свою одержимость пророческим даром. Шеппард: «Агамемнон, будучи царём, не должен был позволить своей страсти к пленнице повлиять на своё суждение. Он был прав, когда воспротивился приношению человека в жертву, однако его мотив был неправильным. Эта деталь выявляет его характер. Он – типичный слабый царь, который ставит частные соображения выше общественных. Так, позже, ему следовало бы поступить с Гекубой по справедливости и отдать Полиместора под общественный суд. Он уклоняется от этой ответственности, потому что боится утратить популярность. Тем не менее он смотрит сквозь пальцы на всё, что делает Гекуба, потому что она – мать Кассандры».

³¹ Тесей (Ἐθεύς) – сын афинского царя Эгея (или бога Посейдона) и Эфры, 11-й царь Афин, один из величайших героев древнегреческой мифологии. Шеппард: «Тесей был героическим царём, которого афиняне считали зачинателем своего величия». Словосочетание «сыны Тесея» стоит в двойственном числе, т.е. имеются в виду два человека. В древнем комментарии говорится, что это Акамонт и Демофон, сыновья Тесея и Федры. Вергилий говорит (Энеида II.262), что Акамонт был в числе воинов, сидевших в Троянском коне.

увенчать³² свежепущенной кровью
и что ложу Кассандры³³ постыдно
даровать предпочтенье
над копьём дерзновенным³⁴ Ахилла.
Силы спорщиков равными были, 130
но угодник толпы хитроумный,
этот баловень сладкоречивый,
Лаэртид,³⁵ урезонил данайцев,³⁶
что нельзя их героя обидеть
ради жизни какой-то рабыни. 135
Мол, никто из погибших не скажет,
перед царственной встав Персефоной,
что данайцы бросают данайцев,
за Элладу погибших,
без даров на равнине троянской! 140
Вот придёт Одиссей и кобылку³⁷
от сосцов твоих грубо оттащит,
силой вырвет из рук престарелых!
Ты ступай к алтарям и ко храмам,
Агамемнону стисни колени,³⁸ 145
кличь и вышних богов, и подземных!
Либо дочь сохранишь ты мольбами,
либо тело царевны увидишь
на безжизненном склоне могилы,
и польются проворные струи 150
из украшенной золотом шеи,
ярко-красные, с чёрным отливом!

Гек.³⁹ Ах я бедная! Мне закричать ли?
Застонать ли? Заплакать ли горько? 155
Я томлюсь и от старости скорбной,
и от рабства, противного сердцу,
нестерпимого! Тошно мне, тошно!
Кто защитник мой? Что за семейство,

³² В оригинале стоит глагол «στεφανῶ», т.е. дословно «увенчать» кровью (этот вариант выбрал и Анненский). Благородная кровь Поликсены именно является венком, наградой духу Ахилла. Тем не менее в переносном смысле этот глагол означает «окропить» могилу кровью, поэтому читателю предлагается выбрать один из вариантов на своё усмотрение. Альтернативный перевод строки: «окропить свежепущенной кровью».

³³ Сначала выбор падает на Кассандру.

³⁴ Слова «дерзновенным» нет в оригинале. Оно является наполнителем. Если расшифровать метафору слова «копьё», то можно получить следующий вариант перевода: «перед воинской славой Ахилла».

³⁵ Одиссей, сын Лаэрты.

³⁶ Данайцы (а также аргивяне и ахейцы) – так в древней литературе называют греков по обобщённым наименованиям древних племён.

³⁷ «Кобылка» или «жерёбенок» («πῆλος») – так часто называются девушки и юноши.

³⁸ Эта строчка считается подложной из-за отклонений в размере. В переводе сохраняется правильный анапест.

³⁹ Слова Гекубы и Поликсены поются.

что за город? Старик мой скончался,⁴⁰ 160
 все сыночки погибли!
 На дорогу мне ту или эту
 встать ногою? В таких испытаньях
 что за бог, что за демон поможет?
 Принесли вы, троянки, 165
 злое бедствие, горькое горе!
 Вы меня погубили! Мне больше
 не приятно блистание солнца
 и не хочется жизни!
 Ноги бедные, вы доведите, 170
 доведите старуху
 до шатра! Мой ребёнок любимый!⁴¹
 Дочь несчастнейшей женщины, выйди,⁴²
 голос мамы услышав!
 Из шатра выбегай поскорее!
 Ты узнаешь, дитя, что́ за вести 175
 мне о жизни твоей сообщили!

ПОЛИКСЕНА

Мама, мама! Зачем ты рыдаешь?
 Что ты дочь, как пугливую птицу,
 из шатра выгоняешь на волю?
 Гек. Мой любимый ребёнок! 180
 Пол. Что ты плачешь? Ты горе накличешь!
 Гек. Дорогая кровинка!⁴³
 Пол. Говори! Не утаивай вести!
 Я дрожу, я напугана, мама!
 Что ты стонешь, родная? 185
 Гек. Дочка-доченька матери бедной...
 Пол. Что ты мне возвещаешь?
 Гек. Аргивянское войско решило
 на могиле Пелеева сына
 принести тебя в жертву! 190
 Пол. Мама милая! Что ты шептала?
 Расскажи о беде непроглядной!
 Поскорее же, мама!⁴⁴
 Гек. Дочь, узнай о неслыханном слухе!⁴⁵

⁴⁰ Приам, её муж.

⁴¹ Аристофан находил этот плач Гекубы весьма смешным и спародировал его в своей комедии «Облака».

⁴² Начиная с этой строчки и до конца строфы текст проблематичен, и его подлинность подвергается сомнению.

⁴³ В оригинале: «αἰαῖ ὅς ψυχᾶς», т.е. «ай-ай, твоя душа!». Поскольку по-русски это не звучит, перевод пришлось перефразировать.

⁴⁴ Поликсена сразу не понимает страшного смысла сказанных матерью слов, поэтому она спрашивает снова.

⁴⁵ «О неслыханном слухе» – в оригинале тоже парадокс: «δυσφήμους φήμας».

Я тебе говорю, что ахейцы
на судьбу твою бросили жребий!⁴⁶ 195

Пол.⁴⁷ Ах, бедняжка! Любимая мама!
Натерпелась ты в жизни страданий!
Новым бедствием, новым несчастьем,
ненавистным и невыразимым, 200
некий демон тебя поражает!⁴⁸

Дочь не может остаться с тобою
бедной старости жалкой опорой
в этом рабстве ужасном!
Ты детёнышем горного зверя, 205
мама бедная, жалкой телицей

<дочь> увидишь, <бредущую скорбно⁴⁹
на курган, где распорет ей шею
меч, помощник мучительной смерти> !

Дочь из рук твоих вырвут
и швырнут с перерезанным горлом
в темь подземную, в царство Аида,
где я буду лежать с мертвецами! 210

По тебе я, бедняжечка мама,
проливаю тяжёлые слёзы!
Мне не жаль обещанной жизни,⁵⁰
и по ней не пристало мне плакать!
Если я в это время погибну,
мой удел благодатнее станет! 215

Хор Гекуба! Одиссей сюда идёт проворно
и хочет рассказать о том, что приключилось!

ОДИССЕЙ

Ты, женщина, уже о сходке войска знаешь
и что решили там,⁵¹ но я скажу всё снова.
Ахейские бойцы заколют Поликсену
над насыпью крутой, покрывшей прах Ахилла.

⁴⁶ Поскольку эти строчки повторяют то, что уже было сказано, некоторые комментаторы считают их либо поддельными, либо стоящими не на своём месте. Можно опять-таки возразить, что и здесь видна психологическая тонкость Еврипида: потрясённой Поликсене нужно повторить известие, потому что первый раз она отказывается его слышать и понимать.

⁴⁷ Шеппард: «Поликсена испугана до того, как слышит новое известие. Услышав же его впервые, она не вполне понимает его и хочет, чтобы его повторили. Когда же она понимает, то думает лишь о горе своей матери, а вовсе не о собственном злосчастии. Важно помнить, что Поликсена стоит молча, слушая, пока Одиссей разговаривает с Гекубой в следующей сцене».

⁴⁸ Эта строка и предыдущая иногда считаются подложными.

⁴⁹ Часть этой антистрофы не сохранилась и приводится в моей реконструкции (мои вставки взяты в треугольные скобки).

⁵⁰ Эта строка и все остальные (до конца антистрофы) иногда объявляются подложными, однако они необходимы для соблюдения симметрии строфы и антистрофы.

⁵¹ Шеппард: «Его тон официален, но неукоснительно вежлив».

- Я избран был гонцом, а также провожатым
для дочери твоей. Достойный сын Ахилла
ту жертву принесёт, как жрец и закалатель.
Ты с этим согласишься. От схватки рукопашной 225
и от ломанья рук прошу меня избавить.
Знай меру сил своих, прими беду смиренно.
Мудрец, он и в скорбях рассудок сохраняет.
- Гек. Ай-ай! Мне предстоит, как вижу я, сражение,
исполненное слёз и горестных рыданий! 230
Не встретила я смерть, когда она являлась,
меня не тронул Зевс, но лишь прибавил силы
измученной душе для худших испытаний!
И если мы, рабы, вольны свободным людям 235
не тягостные им, не гложащие сердце
вопросы задавать,⁵² то должен ты ответить,
чтоб я тебя могла внимательно послушать.
- Од. Конечно, ты вольна. Мне времени не жалко.
- Гек. Ты помнишь, в Илион лазутчиком ты прибыл,
в лохмотьях, и в грязи, немывтый, безобразный, 240
с израненным лицом, залитым алой кровью?⁵³
- Од. Да. Тронул этот день не только кромку сердца!
- Гек. Узнав тебя в толпе, ко мне пришла Елена.
- Од. Я помню, что попал в ужасную опасность.
- Гек. И ты мне обхватил колени раболепно? 245
- Од. На пеплосе твоём заостенели руки. 246
- Гек. А что ты мне сказал, моим рабом назвавшись? 249
- Од. Наговорил всего, чтоб гибели избегнуть.⁵⁴ 250
- Гек. И я тебя спасла, и вывела за стены? 247
- Од. Благодаря тебе я вижу это солнце. 248
- Гек. Не подлость ли тогда твоё голосованье? 251
Ты помнишь хорошо, как я тебя спасала,
но платишь не добром, а злом наивернейшим?
Неблагодарный люд, ораторскую славу
желающий снискать! Я знать вас не желаю! 255
Вам, подлым, всё равно, что вы друзьям вредите,
вам лишь бы всякий сброд умамливать словами!

⁵² Тонкая психологическая деталь: Гекуба стала рабой лишь недавно и пока не знает своих новых прав и обязанностей. Говоря об этом Одиссею, она под прикрытием учтивости даёт ему понять, что он разговаривает со свободнорождённой.

⁵³ Ковач: «В *Одиссее* 4.244-56 рассказывается о том, как Одиссеей проник в Трою лазутчиком, переодетый в лохмотья и неузнаваемый от нанесённых себе самому ран. В гомеровской версии только Елена понимает, кто он такой».

⁵⁴ Шепард: «Эта деталь отражает правду жизни. Одиссеей, которому внезапно напомнили об этом критическом моменте в его прошлом, не очень-то помнит, что он обещал. Поэтому он цинично восклицает, что, каким бы его обещание ни было, он не связан «простыми словами», которые предназначались для конкретного случая. Когда у него появляется время для раздумий, он принимает другую тактику. Он убеждает себя, что его обещание относилось лишь к защите самой Гекубы, так что, без всякого зазрения совести, он не обязан спасать её ребёнка».

Какую ж это вы изобрели уловку,
 смерть девочки моей скрепив голосованьем?
 Зачем же нисходить до жертвы человечей, 260
 а не заковать быка на доблестной могиле?
 Неужто ваш Ахилл, вредя своим убийцам,
 свой мужественный меч на девушку поднимет?
 Она ни капли зла ему не причинила!
 Ему бы попросить заклания Елены, 265
 ведь он из-за неё погиб под нашей Троей!
 Приготовляя нож достойнейшей из пленниц,
 красивой всех других, на нас глядеть не нужно,
 поскольку всех затмит наружность Тиндариды,⁵⁵
 которая ему не меньше нас вредила! 270
 Ты видишь, я ищу простую справедливость
 и у тебя прошу такого же решенья.
 Ты мне признался сам, что рук моих коснулся,
 к щеке моей припал, морщинами покрытой,
 теперь же я к тебе смиренно припадаю, 275
 чтоб ты моё добро упрочил милосердьем!
 Прошу, не отнимай любимого ребёнка,⁵⁶
 не надо убивать! Уже довольно трупов!
 Она мне и покой, и снятие страданий,
 и благодатный свет в потёмках бесконечных, 280
 кормилица, и дом, и поводырь, и посох!
 Властителем земным не стоит надмеваться
 и глупо полагать, что счастье будет вечным!
 Был трон и у меня, а что теперь я значу?
 Величие моё в единый день увяло! 285
 Я бороды твоей, любезнейший, касаюсь!⁵⁷
 Ты пожалей нас, друг! Пойди в ахейский лагерь
 и растолкуй им всем, что, право же, постыдно
 смерть женщинам судить, которых вы же сами
 отняв от алтарей, сначала пощадили! 290
 У вас есть и закон, который ограждает
 и вольных, и рабов от гибели кровавой!⁵⁸
 Ты славен среди них, и даже слабой речью
 добьёшься своего! Звучат слова героя
 весомей и мудрей, чем умствование смерда!⁵⁹ 295

⁵⁵ Елены, дочери Тиндарея. Она тоже считается пленницей, как перешедшая на сторону врагов.

⁵⁶ Гекуба произносит слово «τέκνον», т.е. «дитя, ребёнок». Теперь, перед своей смертью, Поликсена видится ей девочкой, которую она, как мать, должна защитить.

⁵⁷ Традиционным жестом просителя было обхватывание бороды просимого. Гекуба говорит дословно: «О, милая борода, пощади меня» («ὦ φίλον γένειον, αἰδέσθητί με»). В переводе это несколько сглажено, потому что прямое обращение к бороде может показаться смешным современному читателю.

⁵⁸ Шепард: «Афины особенно гордились тем, что обращались с рабами по-человечески, в чём и винули себя иногда, в моменты раздражения».

⁵⁹ В словах Гекубы слышится не просто желание польстить Одиссею. Какой бы незначительной ни была Итака по сравнению с Троянским царством и каким бы низким ни было нынешнее положение Гекубы,

Хор На свете нет людей, настолько чёрствых сердцем,
что, слыша этот плач, и горестные стоны,
и жалобы души, сдержали бы рыдания!

Од. Гекуба, успокой своё негодование
и больше не ропщи на дельные слова. 300
Спасти саму тебя, мне давшую свободу,
конечно, я готов, чего тут говорить.
Но сказанных речей назад я брать не буду.
Мы Троию всю сожгли, а лучший среди нас,
просящий дочь твою, напьётся свежей крови! 305
У многих городов такая слабость есть,
великого бойца, из доблестного рода,
ничуть не возвышать над низшими людьми.
Да, женщина! Ахилл достоин высшей чести,
он за Элладу пал, прекраснейший герой! 310
Пойми, что стыд и срам – считать живого другом,
а если он погиб, лицо отворотить!
Что скажет и народ, когда придётся снова
нам войско набирать и воевать с врагом?
«Чем на войну идти, не лучше ль уберечься? 315
Нет чести никакой погибшим храбрецам!»⁶⁰
Да я и сам такой. Мне в жизни каждодневной
хватает сущих крох, и я доволен всем,
могилу же свою хотелось бы мне видеть
достойной похвалы, ведь славе жить века!⁶¹ 320
Ты сетуешь на боль. А ты меня послушай.
Старух и стариков у нас довольно есть,
не менее, чем ты, испробовавших лиха,
есть много и невест без храбрых женихов,
которые лежат в песке твоём идейском.⁶² 325
Будь стойкой. Если мы, как должно, не почтим

они оба – представители царского рода, и это чувствуется в их обращении друг с другом. Это чувство принадлежности к аристократии, к избранному классу, было очень сильно в античности. Даже враги, желавшие друг другу смерти, всё равно сохраняли ощущение некоей общности, элитарности, отличавшей их от презренной толпы. В Средние века рыцари, встречавшиеся на поле брани, как правило, руководствовались определёнными нормами поведения, принятыми в их среде. Эти нормы не распространялись на простых воинов, с которыми можно было поступать как угодно.

⁶⁰ Грегори: «Одиссей искажает системы ценностей как героической эпохи, так и пятого века, давая понять, что воины утратят желание сражаться, если у них возникнет сомнение в получении посмертных почестей. Гомеровский воин полагался скорее на свою репутацию <...>, чем на приношения к своей могиле, для поддержания памяти о себе <...>. То же самое верно и о гражданине-солдате пятого столетия...»

⁶¹ ВНИМАНИЕ: В этом примечании рассказывается о том, что произойдёт в пьесе дальше. Если Вы ещё не знаете сюжета, то не читайте, чтобы не испортить впечатления. Шеппард: «Нет причины считать его настойчивость по поводу того, что мёртвым полагается благодарность, и желание славы, когда он будет в могиле, неискренними. Когда Одиссей внезапно обращается к Гекубе с предположением, что, возможно, будучи варваркой, она не может понять такую верность мёртвым, греческая аудитория не может ему не сочувствовать. То, что происходит дальше, делает всё это весьма драматичным, потому что сама Гекуба, движимая ошибочной верностью по отношению к своим собственным мёртвым, подвергает Полиместора ужасающей мести, убивая его невинных детей, а также ослепляя преступника... и в процессе этого утрачивает собственную человечность. Вся пьеса вполне могла рассматриваться как разрушительная атака на “государственных деятелей”, оправдывающих варварские и жестокие действия под предлогом того, что “нельзя допустить, чтобы мёртвые погибли понапрасну”».

⁶² Ида (Ιδη) – гора, расположенная к югу от Трои.

погибшего бойца, нас примут за мужланов!
Эх, варварская чернь! Друзьям вы не друзья
и неспособны вы на собственных героев
почтение излить! Эллада расцветёт, 330
а вы пожнёте плод своих порочных мыслей!⁶³

Хор Ай-ай! Какое зло – терпеть оковы рабства
и грубый произвол превосходящей силы!

Гек. Ах, солнышко моё! Я о твоём убийстве
напрасно речь вела! Всё сказано на ветер! 335
Но если мать свою ты превосходишь силой,
то звуки все излей, что в горле соловьином
бесшумно собрались! Избегни страшной казни!
Ты с плачем обхвати колени Одиссея,
уговори его (ведь он и сам имеет 340
возлюбленных детей) смягчить твой тяжкий жребий!

Пол. Я вижу, Одиссей, что правую ладонь
ты спрятал под хитон и прочь отворотился,
чтоб я не добралась до бороды твоей.⁶⁴
Спокойно! Ты спасён! Далёк мой Зевс Молельный,⁶⁵ 345
а я пойду с тобой. Мне нужно умереть,
и смерти я хочу. Тебе сопротивляясь,
была бы я дурным, ничтожным существом.
И для чего мне жить? Отец мой, как ты знаешь,
во Фригии царил. Так жизнь я начала. 350
Я вскормлена была в значительных надеждах
невестой стать царям, соперникам в борьбе
за право свой очаг и дом украсить мною.
В среде идейских жён была я госпожой,
и в свите юных дев божественной казалась, 355
хоть смерти не сильней несчастная душа.
Теперь же я раба. При этом чуждом слове
рождается во мне желанье умереть.
А вдруг меня возьмёт хозяин бессердечный⁶⁶

⁶³ Одиссей, чтобы успокоить свою совесть, прибегает к обычному для греков поношению всего негреческого. Нет необходимости долго говорить о том, что упрёки, бросаемые им «варварам», совершенно беспочвенны. К слову сказать, поведение троянки Поликсены не уступает по мужеству и благородству поведению гречанки Ифигении, а, может, и превосходит его, потому что Поликсене не ждёт немеркнущая слава в её народе и от её жизни не зависит судьба уже погибшей Трои.

⁶⁴ Шеппард (с. 69): «Одиссей прячет свою руку под плащом и отворачивается прочь, потому что он боится, как бы Поликсена не прикоснулась к его руке или бороде, моля о пощаде. Если ей удастся это сделать, то она станет в некоторой степени неприкосновенной [sacred], и он будет чувствовать себя обязанным обращаться с ней, как с молительницей».

⁶⁵ Ζεὺς Ἰκέσιος – Зевс-Покровитель молящих. Ковач (с. 429): «Зевс Икесиос следит за молящими, как теми, кто укрывается в храмах, так и теми, кто припадает к коленам других. Отказ в просьбе, с которой обращался молящий, считалось оскорблением [Зевса]».

⁶⁶ Наверное, бессердечный не в том смысле, что он её избивал бы или как-нибудь издевался бы над ней, но в том, что он не выказывал бы никакого уважения к тому, что она всё-таки царевна. Мы видим на примере Андромахи, что значило для молодой женщины попасть в рабство, причём Неоптолем не обращался с Андромахой плохо. Рабыня была вещью, её почти наверняка принуждали к сожительству, к

за груды серебра, любимую сестру 360
прославленных бойцов и Гектора-героя?
Заставит он меня ему лепёшки печь,
и подметать полы, и с челноком трудиться,⁶⁷
навязывая мне мучительную жизнь!
И будет грязный раб, прикупленный на рынке, 365
в моей постели спать, былой мечте царей!
Нет, это не пройдёт! Из глаз, ещё свободных,⁶⁸
я отпускаю свет! Мой муж теперь Аид!
Давай же, Одиссей! Веди меня на гибель!⁶⁹
Надежды больше нет, и нечего мне ждать, 370
и дух не укрепить напрасным упованьем!
Ты, мама, не мешай! Не преграждай мне путь,
не умоляй меня, но будь со мной согласна,
что лучше эта смерть, чем низменный позор!
Кто бед не испытал, тому, вставляя шею 375
в тяжёлое ярмо, приходится страдать.
Тогда приятней смерть, не продолженье жизни,
а безотрадно жить – пустой и тяжкий труд!

Хор Как чётко и легко чеканка благородства
сверкает на душе! И доблестное имя 380
достойные сердца всё больше возвышает!

Гек. Красивые слова. Но в красоте их, дочка,
размешана печаль. Вам надобно Пелиду
почтенье оказать, и заодно укора
избегнуть, Одиссей? Вы девушку не троньте! 385
Где вы Ахилла жгли, туда меня ведите
и режьте поскорей! Я мать того Париса,
который застрелил Фетидинога⁷⁰ сына!

рождению детей от чужого ей человека, к физическому труду, который мог быть довольно тяжёлым и непрерывным. Более того, если хозяину она нравилась, то это вызывало ревность жены, имевшей значительную власть над женщинами в доме, со всеми вытекающими отсюда последствиями. У Поликсены самой было множество рабынь, и она прекрасно знала, как с ними обращаются.

⁶⁷ Грегори (с. 89): «Ткань было также физически тяжёлым, потому что требовалось подолгу стоять за вертикальным ткацким станком». Для царевны, не привыкшей к подобного рода занятиям, это было бы сущей пыткой, да и немалым унижением. См. также интересное замечание Шеппарда (с. 69): «Работа за ткацким станком, труд по приготовлению хлеба (размалывание зерна и выпечка), уборка в доме и изготовление домашней одежды являются обычными заданиями пленных рабынь в гомеровские времена и позже. Однако для Поликсены худшее унижение состоит не в этой домашней каторге, но в предстоящем насильном браке с рабом [Здесь Шеппард не совсем прав, этого могло и не случиться. Судьба Андромахи была иной, например. – В.]. Своей смертью Поликсена сохраняет скромность и целомудрие. Эта идея повторяется в момент её смерти. Счастье Поликсены, несмотря на все злоключения, таким образом, противопоставляется постыдной судьбе Кассандры. Когда Гекуба принуждает себя умолять Агамемнона на том основании, что Кассандра – его рабыня, её унижение ещё более трагично оттого, что она мать Поликсены».

⁶⁸ Хэдди (с. 60): «Она считает себя всё ещё свободной по сравнению с рабством, которое она только что обрисовала». Грегори (с. 89): «Рассуждения Поликсены слегка непоследовательны: признав ранее, что она уже номинально рабыня <...>, она, кажется, приравнивает здесь своё вступление в рабство к выполнению только что перечисленных ею заданий».

⁶⁹ Поликсена значительно облегчает грекам задачу, потому что для успешного жертвоприношения требовалось согласие жертвы, пусть и номинальное. На голову животных, например, лили воду, и, когда те мотали головой, это считалось кивком – согласием на то, чтобы их резали.

⁷⁰ Фетида (Φέτις) – морская нимфа, мать Ахилла.

- Од. Старуха, не тебя у воинов ахейских
просил Ахиллов дух, а юную царевну! 390
- Гек. Тогда вы и меня при дочери убейте!
Получится у вас в два раза больше крови
земле и мертвецу, засохшему от жажды!⁷¹
- Од. Нам девушка нужна. Покойников не стоит
горой нагромождать.⁷² Не убивать бы вовсе... 395
- Гек. Но *должен* ты убить меня с моим ребёнком!
- Од. Что? Должен? Я не знал, что госпожу имею!
- Гек. Я к дочери прильну, как плющ к дубовой ветке!
- Од. Не надо! Подчинись разумному решению! 400
- Гек. Тебе я не отдам ребёнка добровольно!
- Од. Я тоже не уйду, и жертву не оставлю!
- Пол. Родная, слушай дочь! Ты тоже, сын Лаэрта,
не гневайся на мать! Порыв её понятен.
Ты, бедная моя, с властями не тягайся!
Охота ли тебе своим увядшим телом
повергнуться во прах, и чтоб тащил с позором
тебя одной рукой какой-нибудь молодчик?
Вот именно! Оставь! Оно того не стоит!
Любимая моя, дай сладостную руку!
Позволь мне и щекой к твоей щеке прижаться! 410
Мне больше никогда увидеть не придётся
прекрасный этот шар с лучами золотыми!⁷³
Тебе я говорю последнее прощанье.
Возлюбленная мать, спускаюсь я под землю!
- Гек. Я, доченька моя, рабыней тут останусь!⁷⁴ 415
- Пол. А я уйду одна, без брака и без гимнов!
- Гек. Ты бедное дитя, а я ещё несчастней!
- Пол. Придётся без тебя покоиться в Аиде!
- Гек. Но что же делать мне? Где жизнь мою закончить?
- Пол. Рабыней я умру, рождённая свободной...⁷⁵ 420
- Гек. Я пятьдесят детей⁷⁶ навеки потеряла!
- Пол. Что Гектору сказать и старому супругу?⁷⁷

⁷¹ Грегори (с. 91): «Возлияния просачиваются в землю и, согласно представлениям [древних], выпиваются мертвецами, которых мучает жажда».

⁷² Я вижу в этих словах скрытую гордость цивилизованного греческого воина сравнительно с войсками варваров, которые именно громоздили мертвецов, пытаясь запугать покоряемые народы.

⁷³ Эти две строчки повторяются в «Алкесте» (208-9).

⁷⁴ Эта строка и шесть последующих даются в некоторых изданиях (например, Ковача и Диггла) в ином порядке, чтобы восстановить последовательность диалога двух женщин. Считается, что строки поменялись местами при переписке. Я согласен с Грегори (с. 93), что подобные игры с оригиналом не достигают убедительного результата. Гекуба и Поликсена каждая занята своими мыслями, что создаёт два параллельных течения, перекликающихся друг с другом лишь отчасти. Это оказывает сильное психологическое воздействие на сцене.

⁷⁵ Более точный, но не вполне складно звучащий вариант: «Рабыней я умру, а был отец свободным...»

⁷⁶ Грегори (с. 94): «В *Илиаде* (24.495-96) у Приама пятьдесят сыновей, то лишь девятнадцать рождены Гекубой. Согласно древнему комментарию, гипербола усиливает пафос». Хэдди (с. 62): «Кажется, здесь Еврипид ставит в заслугу Гекубе то, за что следует похвалить лишь Приама. <...> Возможно, однако, Гекуба считает их всех одной семьёй, главою которой она являлась».

⁷⁷ «Старый супруг» – царь Приам, муж Гекубы.

Гек.	Ты просто им скажи, что я всех вас несчастней! ⁷⁸	
Пол.	О, груди! О, сосцы! Источник пищи сладкой! ⁷⁹	
Гек.	О, доченька моя! Ты гибнешь раньше срока!	425
Пол.	Родимая, прощай! ⁸⁰ Прощай и ты, Кассандра! ⁸¹	
Гек.	Прощенье у других, а мать совсем пустая!	
Пол.	И брат мой Полидор, гость конников ⁸² фракийских!	
Гек.	А жив ли он? Как знать! Сейчас повсюду горе!	
Пол.	Он жив, и он глаза тебе закроет мёртвой!	430
Гек.	От горестей моих мертва я прежде смерти!	
Пол.	Пойдём же, Одиссей! Мне на́ голову пеплос накинь, ⁸³ ведя на смерть, а то у нас обеих расплавятся сердца от наших жарких стонов! О, свет! К тебе воззвать ещё осталось время,	435
	но буду я с тобой лишь на дороге краткой к жестокому мечу и гробу Ахиллеса!	
Гек.	Ох, как же тошно мне! Какая немощь в теле! Кровиночка моя! Дай руку! Что ж ты маму бросаешь? Возвратись! Погибла я, подруги! ⁸⁴ Лаконянку бы так, сестрицу Диоскуров, Елену, повести! ⁸⁵ Прекрасными глазами так мерзостно она лишила Троию счастья! ⁸⁶	440
Хор	Ветер, море волнующий, ветер, мчащий судёнышки ⁸⁷	445

⁷⁸ В оригинале слово всех женского рода (πασῶν). Гекуба говорит, что она несчастнее всех женщин. К сожалению, более точный перевод получается корявым: «Им просто передай, что я всех женщин жалче!»

⁷⁹ Несколько необычное для современного человека обращение к материнским грудям. В оригинале: «О груди и сосцы, которые питали меня сладко» (ὦ στέρνα μαστοί θ', οἱ μ' ἐθρέψαθ' ἠδέως).

⁸⁰ В оригинале – «χαῖρε», что означает как «прощай», так и «будь счастлива». Еврипид здесь играет этими значениями, создавая горькую иронию.

⁸¹ Кассандра – последняя сестра Поликсены, ещё остававшаяся в живых. Её нет на сцене, но Поликсена обращается к ней мысленно.

⁸² Здесь опять используется слово «конелюбец» (φίλιππος), которое в переводе заменено более коротким вариантом из соображений размера.

⁸³ Как отмечает Грегори (с. 95), покрывание головы насыщено символическими значениями. Это и знак личной скорби, и желание скрыть слёзы от глаз матери и других людей, и ожидание брака с Аидом (невесты покрывали голову во время свадебного обряда). Покрывание руками другого человека являлось знаком неминуемой смерти.

⁸⁴ Последнее восклицание обращено к Хору. Хэдли (с. 63): «Эти три прерывистые строки являются последними словами матери, сказанными в агонии разъединения с её ребёнком, завершающиеся криком “ἀπολόμην, φίλα!” [“Погибла я, подруги!”], когда она отворачивается прочь от исчезающей фигуры Поликсены, ища сострадания у своих подруг по рабству. Затем, в бешеной и бессильной жажде мести, она проклинает “спартанку”, источник всех её скорбей. Конечно, ничего не может быть более художественного, более соответствующего мстительной восточной личности, которую Еврипид описывает так ярко в последней части пьесы, чем эта деталь: и всё же “*damnavit Hartungius, choro tribuit Hermannus*” [Гартунгий признал (эти строки) подложными, а Германн присудил их Хору – лат.]]. Шеппард (с. 70): «Контраст между Поликсеной, которая превращает трагедию в нечто прекрасное и умирает счастливой, и Гекубой, взывающей к мести, имеет существенное значение для сюжета всей пьесы».

⁸⁵ Это Кастор и Поллукс, родные братья Елены, тоже рождённые Ледой от Зевса.

⁸⁶ Последние три строки некоторые комментаторы считают подложными. Основания для этого не представляются мне убедительными. Анненский эти строки не переводит.

⁸⁷ В оригинале «ἀκάτους», т.е. мелкие суда, способные двигаться очень быстро, на которых часто ходили пираты. Бывало, на крупных судах находилось несколько ἀκάτους, выполнявших назначение современных

по пучине рассерженной,
ты куда унесёшь меня?
Где найдётся пристанище
для прислужницы купленной?
Что там? Пристань дорийская⁸⁸
или Фтия,⁸⁹ где пажити
пьют лазурь превосходную
Апидана-родителя?⁹⁰

450

Унесёшь ли несчастную,
море меряя вёслами,
к островам неприветливым,
где⁹¹ ростками священными
финик⁹² с лавром⁹³ колышутся,

455

шлюпок. Хэдли (с. 64): «Это были маленькие лодки, не особо приспособленные, думается, для перевозки нескольких женщин».

⁸⁸ Хэдли (с. 64): «Евр[ипид], несомненно, имеет в виду дорийские поселения на Пелопоннесе и, таким образом, виновен в анахронизме, поскольку дорийцы лишь один раз упоминаются в гомеровских поэмах (Од[иссея] хix.177), и даже тогда в качестве племени на Крите». Я не стал бы упрекать Еврипида в анахронизме, потому что в древнем искусстве это обычное и вполне допустимое явление. Пелопоннес – родина и Агамемнона, и Менелая, поэтому рабыни могут оказаться их собственностью.

⁸⁹ Хэдли (с. 64): «[Это] ахейская Фтиотида [в Центральной Греции – В.], дом Ахилла и первоначальная родина [the original nursery] эллинов».

⁹⁰ Апидан (Ἀπιδανός) – река в Фессалии. Хэдли (с. 65): «Возможно, Евр[ипид] имеет в виду Энипей, который, поднимаясь на горе Отрис, течёт на север по ахейской Фтиотиде и равнине Фессалии, и впадает в Пеней вскоре после слияния с водами Апидана, притока, текущего параллельно с ним по большей части Фессалии. Эти реки часто путают друг с другом». Апидан здесь, как и многие реки, персонифицируется.

⁹¹ На острове Делос. Хэдли (с. 65): «Остров Делос, о котором упоминают эти строки, был одним из священных мест Греции: ведь здесь Лето, преследуемая ревностью Геры, нашла себе прибежище, и здесь, видимо, она родила Аполлона и Артемиду. Остров, некогда плавучий, был закреплён Зевсом для приёма Леты, и представлял собой не более чем массу камней, поднимавшуюся в виде горы Кинт на высоту 500 футов [152.4 м – В.] и составлявшую не более 5 миль [8.046 км – В.] в окружности. Он стал центром поклонения Аполлону, и там каждый пятый год с ранних времён отмечались Делии, праздник, на который ионийцы с островов и близлежащих побережий собирались, чтобы воздать почести своему <...> [родовому богу]. После перерыва в праздновании Делии были восстановлены афинянами в 426 г. до н.э., и на острове был совершён обряд очищения. (Фук[идид] V.I. говорит нам, что завершение очищения состояло в депортации населения, это произошло в 422 г. до н.э.). Во время постановки «Гекубы» (примерно в 425 г. до н.э.), восстановление [Делий – В.] было ещё свежим в памяти людей, и, несомненно, по данной причине Евр[ипид] упоминает остров в этом месте».

⁹² Здесь: финиковая пальма. Ковач (с. 441): «Когда Лето собиралась родить Аполлона и Артемиду, Зевс сделал так, что из земли выросла финиковая пальма, чей ствол Лето обхватила руками во время родовых схваток». Хэдли (с. 65): «См. Гомер, Од[иссея] vi.162, где Одиссей сравнивает Навсикаю с молодой пальмой, растущей у храма Аполлона на Делосе. Пальмы не росли в Греции». Может быть, в древности. Теперь растут. Вот это место из Гомера в переводе В. Вересаева:

Ни средь мужчин никого, ни средь жен, - изумляюсь я, глядя!
Близ алтаря Аполлона на Делосе в давнее время
Видел такую же я молодую и стройную пальму.
Я ведь и там побывал с толпою товарищей верных,
Ехав дорогой, в которой так много ждало меня бедствий!
Вот и тогда, увидавши ее, я стоял в изумленьи
Долго: такого ствола на земле не всходило ни разу!
Так и тебе я, жена, изумляюсь.

⁹³ Лавр – традиционное растение Аполлона. В него превратилась нимфа Дафна, убегавшая от распалённого страстью бога. Прекрасное изложение этого мифа см. в «Метаморфозах» Овидия (книга I).

Лето радуя Зевсову? Лук ⁹⁴ ли буду я чествовать с раззолоченным ампиксом, ⁹⁵ славя мощь Артемиду ⁹⁶ в гуще девушек Делоса?	460 465
За стеной ли Палладиной, ⁹⁷ на шафранной материи запрягу я находчиво для Афины воинственной кобылиц её шёлковых в колесницу прекрасную ⁹⁸ или вышью, как молнией Зевс Кронид ⁹⁹ опрокидывал полк Титанов нахрапистых? ¹⁰⁰	 470 475
Наши детки несчастные! И отцы, и отечество, горьким дымом охвачено, едким пламенем съедено под мечами аргосскими! Быть мне жалкой рабынею, не увидеть мне Азии, жить в Европе неласковой вместо спален Аидовых! ¹⁰¹	 480

⁹⁴ Артемида (римская Диана) – дева-охотница, и лук является одним из её главных атрибутов.

⁹⁵ Ампикс (ἀμπίξ) – головная повязка, вроде лёгкой диадемы. Она покрывала лоб и завязывалась сзади. Обычно включала в себя тонкие пластины из золота или серебра. Были ампиксы, сделанные с большим искусством и украшенные драгоценными камнями. Наверное, такой богатый ампикс и преподносился Артемиде.

⁹⁶ Шеппард (с. 71): «Именно в храме Артемиды <...> женщины искали прибежища в ночь разрушения Трои».

⁹⁷ Т.е. в Афинах. Ковач (с. 441): «На великих Панафинейских празднествах в честь божества-хранителя города богине [Афине – В.] преподносили новый пеплос, связанный дочерьми именитых граждан. Еврипид позволяет хору проигнорировать здесь реальную ситуацию, поскольку рабыни не могли принимать участие в вязании». Ковачу можно возразить, что Еврипид вряд ли игнорирует что-либо, но, скорее, опять создаёт излюбленный им эффект горькой иронии. Девушки либо не знают, что им, как рабыням, ничего такого прекрасного не предстоит, либо просто позволяют себе помечтать немного, представляя себя на месте свободных людей и разделяя с ними радости, которые будут им доступны только в воображении. Панафинеи (или Панафинейские игры/празднества) (Παναθήναια) – самые крупные религиозно-политические празднества в античных Афинах, проводившиеся в честь покровительницы города богини Афины. Проводились Большие и Малые Панафинеи, Малые ежегодно, а Большие раз в четыре года.

⁹⁸ Так в оригинале («ζεύξομαι τὰς καλλιδίφρους πόλους»). Т.е. вышью их запряжёнными в прекрасную колесницу, запрягу их своим вышиванием. Ср. перевод Анненского: «Нитями пёстрыми буду || Пеплос её шафранный || Я украшать, запрягая || Дивной коней в колесницу».

⁹⁹ Зевс называется Кронидом, потому что он сын древнего верховного бога Крона (или Кроноса).

¹⁰⁰ Грегори (сс. 102-3): «Это Гиганты, младшие братья Титанов. В греческой литературе существует тенденция соединять две группы, которые обе взбунтовались против олимпийских богов».

¹⁰¹ В наше время это уже не кажется большим горем, а для многих такой переезд был бы даже великой удачей. Однако в древности Азия была центром мира, а Европу там считали захолустьем. Хор явно предпочитает находиться в Аиде, чем в Европе.

ТАЛФИБИЙ¹⁰²

- А где мне бывшую царицу Илиона,
Гекубу, отыскать? Вы знаете, троянки? 485
- Хор Она у ног твоих. Ты посмотри, Талфибий!¹⁰³
Простёрлась на земле, завёрнутая в пеплос.¹⁰⁴
- Тал. Да, Зевс! Что тут сказать! Как ты заботлив к людям!
Быть может, мы тебя напрасно почитаем,
и вечный род богов – лишь выдумка пустая,¹⁰⁵ 490
и нами на земле повелевает случай?
Не это ль госпожа фригийцев многозлатных,¹⁰⁶
не это ли жена великого Приама?
Весь город у неё разбит копьём жестоким,
и дряхлая раба, лишённая потомства, 495
несчастной головой покоится во прахе!
Ужасно! Я старик,¹⁰⁷ но предпочту скончаться,
чем в этакый позор упасть по воле рока!
Страдалица, вставай! Из праха поднимайся!
Вскинь голову свою серебряно-седую! 500
- Гек. Эх! Кто тут не даёт измученному телу
спокойно полежать, печаль мою тревожа?¹⁰⁸
- Тел. Талфибий, госпожа. Слуга мужей данайских.
Любезная, пойдём. Так хочет Агамемнон.¹⁰⁹
- Гек. Ах, друг мой дорогой! Ахейцы на могиле 505
зарезут и меня? Вот радостная новость!
Быстрее! Поспешим! Иди, старик! Я следом!

¹⁰² Талфибий (Ταλθύβιος) – вестник царя Агамемнона.

¹⁰³ Грегори (с. 104): «Троянки обращаются к нему по имени, одновременно опознавая его для аудитории и давая понять, что он для них знакомая фигура». Грегори не обязательно прав, утверждая, что Талфибий знаком Хору. Греческая трагедия часто не обращает внимания на подобные нюансы.

¹⁰⁴ Страшная картина полного падения некогда величественной царицы. Выраженная простыми, даже обыденными словами, она оказывает ещё большее воздействие. Анненский не улавливает необходимости следовать за Еврипидом в простоте изложения и, как обычно, предпочитает выражаться напыщенно и приблизительно (не говорит, что царица лежит на спине: это, видимо, ему кажется недостаточно поэтичным), тем самым снижая драматический эффект: «Да вот она, Талфибий, тёмной ризой || Отделена от мира - на земле...» Хэдли (с. 67): «Редакторы изо всех сил стараются объяснить, что Гекуба лежит на спине потому, что её спутницы так её положили, чтобы она пришла в себя после обморока. Может быть, они также потрудятся объяснить, почему спутницы одновременно с этим не распустили её одежды, ведь, конечно, человеку в обмороке не годится лежать [завёрнутым в пеплос]». К этому можно добавить, что Гекуба могла им просто не позволить убрать или распустить пеплос. Заворачивание себя с головой было традиционным жестом горя. С тем, что Гекуба лежит на спине, согласны не все комментаторы. См., например, Шеппард (с. 72): «[Можно представить себе, что] Гекуба лежит на спине. Однако греческая фраза означает не то: она просто съёжилась, согнулась спиной вперёд, присев, так что видна лишь её спина, которая находится как бы “на земле”».

¹⁰⁵ Эта строка неловко вписывается в текст и поэтому считается подложной.

¹⁰⁶ Так в оригинале – «τὸν πολυχρύσων Φρυγῶν».

¹⁰⁷ Ковач (с. 443): «Здесь считается, что старики жаждут долгой жизни». Ср. похожее высказывание отца Адмета в «Алкесте» (669-71).

¹⁰⁸ Грегори (с. 106): «Гекуба теперь говорит две строки, Талфибий одну [вторая считается подложной – В.], Гекуба три, Талфибий три, а [потом] Гекуба семь. Такие неравномерные реплики характерны для стихомифии, предваряющей речь вестника».

¹⁰⁹ Эта строка считается подложной.

- Тал. Убита дочь твоя. Ты, женщина, могла бы её похоронить. Меня к тебе прислали Атридовы сыны и воинство ахейцев. 510
- Гек. Что хочешь ты сказать? Что ты сюда приносишь не смертный приговор, но истинное горе? Ты, доченька, мертва! Оторвана от мамы! Теперь моя душа совсем осиротела!¹¹⁰ Как вы с ней обошлись? Хотя бы с уважением? 515
Старик, вы, как врага, несчастную забили? Жестокой будет речь, но я желаю слышать!
- Тал. Ты, бедная моя, мне прибыль слёз удвоишь!¹¹¹ Так жалко дочь твою! Я снова зарыдаю, как я рыдал тогда, у гибельной гробницы! 520
Присутствовала вся ахейская дружина, когда мы дочь твою к могиле проводили. Сдавил Ахиллов сын запястье Поликсены,¹¹² взошёл с ней на курган, а я был с ними рядом. Отборные бойцы из юношей ахейских,¹¹³ 525
готовые сдержать любой прыжок телицы,¹¹⁴ неслышно подошли. Суровый сын Ахилла встал с чашей золотой, наполненной до кромки напитком для отца,¹¹⁵ и приказал мне жестом, чтоб я велел молчать воителям ахейским. 530
Я плечи распрямил и крикнул волнам войска: «Ахейцы, тишина! Пусть армия умолкнет! Молчание, бойцы!»¹¹⁶ И море сразу стихло.¹¹⁷

¹¹⁰ Гекуба ещё не знает, что Полидор тоже мёртв. У неё осталась лишь одна Кассандра.

¹¹¹ Грегори (с. 108-9): «Парадоксальное удовольствие, получаемое от слёз, признаётся в *Илиаде* <...> и часто упоминается Еврипидом». Плача, человек получает некое облегчение, которые называется Еврипидом «прибылью».

¹¹² В Древней Греции для мужчины было совершенно непозволительно касаться женщины, если она не была ему ни женой, ни близкой родственницей (я не имею в виду гетер, рабынь и внебрачные любовные связи). Жест Неоптолема говорит о том, что Поликсена перешла в положение жертвы и находится в обладании того, кто эту жертву приносит. Грегори (с. 109) говорит, что этот жест, «символизирующий контроль или обладание одного человека другим», можно видеть на древнегреческой вазовой живописи.

¹¹³ Ещё одно нарушение реализма. Троянская война длилась десять лет. Чтобы быть теперь юношами, эти молодцы должны были отправиться в поход детьми.

¹¹⁴ О Поликсене уже говорится как о жертвенном животном. Эти молодые люди пришли не для того, чтобы, как переводит Анненский, «держать её в минуту содроганий», а чтобы поймать её, если она попытается прыгнуть вниз с кургана и убежать. Конечно, шансов у неё не будет никаких, но это испортит обряд, потому что будет ясно, что жертва не даёт согласия на свою смерть.

¹¹⁵ Хэдли (с. 69): «Это предварительное возлияние, видимо, представляет собою вино или же смесь мукí, мёда и [оливкового] масла».

¹¹⁶ Грегори (с. 110): «Талфибий требует ритуальной тишины, чтобы предупредить произнесение какого-нибудь слова, предвещающего несчастье.» Иногда в такие моменты боги заставляли людей произносить пророческие слова. Молчание требовалось по трём причинам: (1) в знак уважения к обряду; (2) чтобы не было сказано какое-нибудь неприличное или богохульное слово; и (3) чтобы, если кто-нибудь скажет что-либо под влиянием божества, это все слышали. Тройное восклицание Талфибия подчёркивает ритуальную природу происходящего.

¹¹⁷ Еврипид пишет слово «νῆμεος», что обычно означает безветрие на море. Перевод сохраняет этот образ. Ср. вариант Анненского: «Толпа || Застыла, как под штилем...»

Неоптолем¹¹⁸ сказал: «Отец мой! Сын Пелея!
 Утешься в этот день сыновьим возлияньем, 535
 отрадой мертвецов! Напейся женской крови,
 попробуй чёрный дар, беспримесный напиток
 от войска и меня, и будь к нам благосклонен!
 Кормила отпусти, отдай судам канаты,
 позволь нам в добрый час уйти от Илиона 540
 и к милым берегам спокойно возвратиться!»¹¹⁹
 Так он к отцу взывал, а воины молились.
 Потом из ножен меч, весь золотом покрытый,
 он вынул и бойцам, из юношей аргивских
 отобранных, дал знак, чтоб девушку держали. 545
 Заметила она и обратилась к войску:
 «Аргивские мужи, сгубившие мой город!
 Я умереть хочу! Меня вы не касайтесь!
 Я горло обнажу сама, по доброй воле!
 Свободная душа велением бессмертных 550
 свободно и умрёт! Бойцы! Ведь я царица!
 Мне тяжело под землёй рабыней называться!»
 Весь лагерь загудел словами одобренья,
 и девушку велел не трогать Агамемнон.
 Услышали юнцы начальственное слово 555
 и сразу отошли, покорны высшей власти.¹²⁰
 Узнала дочь твоя решенье господина¹²¹
 и пеплос от плеча за узкий край рванула
 к середине живота, и обнажила груди,¹²²

¹¹⁸ В оригинале просто «он». В переводе пришлось назвать Неоптолема по имени, во избежание неясности, хотя, как правило, я возражаю против замены местоимения именем собственным и предпочитаю следовать оригиналу. Вот вариант перевода с сохранением местоимения: «А он тогда сказал».

¹¹⁹ Свой дом увидят далеко не все. Очень многие греки погибли по дороге. Согласно одной из древних версий, боги устроили Троянскую войну специально, чтобы освободить Землю от чрезмерно расплодившихся людей.

¹²⁰ Эта строка и предыдущая иногда объявляются подложными. Не совсем понятно, что это за юнцы такие. Троянская война длилась десять лет. За это время все юнцы успели бы подрасти. Если ахейцы заводили детей во время осады, скажем, от наложниц или пленных женщин, то этим детям было бы ко времени описываемых событий лет десять и меньше. Предположить, что ахейцы брали на войну совсем маленьких детей, которые к завершению войны стали юнцами, трудно. Это один из примеров того, как мало античная трагедия заботится о реализме. Единственное, что можно придумать, это что юнцами называются более молодые бойцы, по сравнению с более старыми.

¹²¹ Еврипид сохраняет контраст между внутренней свободой Поликсены и её внешним положением невольницы, у которой есть господин.

¹²² Много всего было сказано по поводу этого смелого жеста Поликсены. Грегори (с. 112-3) перечисляет различные интерпретации. Обнажение груди являлось жестом скорби, оплакивания. Матери иногда обнажали свои груди перед взрослыми детьми, чтобы напомнить им об их долге перед той, которая их вскормила. Женщины обнажали свои груди в древности, как и сейчас, чтобы соблазнить мужчину. О Поликсене говорят, что она хотела приковать к себе взоры воинов, как бы повышая тем самым свою ценность в их глазах и восстанавливая часть утраченного ею социального положения. Было также предположено, что жест Поликсены носит ритуальную окраску, означая отрицание себя прежней на пороге иного мира. Она обнажает всю себя резким, решительным движением, открывая и шею, и грудь для удара меча. Необходимо помнить и о том, что в древности отношение к обнажённому телу было иным, чем теперь. Египтянки ходили с обнажённой грудью, спартанки занимались гимнастикой вместе с

достойные блистать на статуе прекрасной,¹²³ 560
 и, прямо на земле колени преклоняя,
 произнесла слова отважней предыдущих:
 «Вот, юноша! Смотри! Вся грудь моя открыта!
 Её пронзишь? Пронзай! А если метишь выше,
 то вот и горло здесь, уже совсем готово!» 565
 Тот,¹²⁴ жалостью объят, охотно-неохотно
 дыхательный канал мечом своим разрезал,
 и струи¹²⁵ потекли. Она же, умирая,
 пыталась на песок упасть благопристойно
 и спрятать что должно от глаз мужских быть скрыто.¹²⁶ 570
 Когда унёсся дух сквозь гибельную рану,
 разнообразный труд затеяли аргоссы –
 те пригоршни листвы на тело насыпали,
 а те несли с горы поваленные сосны
 для статного костра.¹²⁷ Кто не желал трудиться, 575
 тот слышал от бойцов обидные упрёки:¹²⁸
 «Что медлишь, негодяй? Для девушки не держишь
 ни пеплоса в руках, ни тонких украшений?»¹²⁹
 Нет жертвы у тебя для безгранично храброй,
 блистательной души?» О мёртвой речь кончая, 580
 скажу я, что тебя счастливейшей считаю
 из бранных матерей, и самую несчастной!
 Хор Вскипает хлябь судьбы над родом Приамидов,
 над родиной моей по принуждению неба!

юношами, нося лишь набедренную повязку, люди с детства были окружены обнажёнными статуями, стоявшими в храмах, на улицах и т.д. Обнажение женской груди не было таким уж небывалым и постыдным поступком, как это было бы, например, в девятнадцатом веке.

¹²³ Хэдли (с. 70): «Этот [образ] важен, поскольку говорит о совершенстве, достигнутом в пластических искусствах, а именно что [слово] <...> “статуя” часто используется для обозначения выдающейся или божественной красоты». Трогательная деталь, говорящая о том, что даже в минуту смерти Поликсена остаётся женщиной, в отличие от своей матери, которая утратит всё человеческое.

¹²⁴ Неоптолем.

¹²⁵ Еврипид говорит просто «струи» (или «потоки»), «κροῦνοῖ». Он не говорит ни что они красные, ни что это потоки или струи крови. Образ получается приглушённый. Я вижу в этом намеренное нежелание смаковать подробности смерти благородной девушки. Переводчики обычно «раскрашивают» эту сцену, добавляя слово «кровь» и т.п. См. у Анненского: «Потоком кровь из раны льётся» или у Ковача: «and blood gushed forth» («и хлынула кровь»). Если кому-нибудь больше нравится раскрашенный вариант, то он волен взять такой перевод: «и заструилась кровь».

¹²⁶ Трогательная деталь, говорящая о том, что даже в минуту смерти Поликсена остаётся женщиной, в отличие от своей матери, которая утратит всё человеческое.

¹²⁷ Хэдли (с. 71): «Её мужество было вознаграждено такими же почестями, какие оказывались победителям игр». В греческой литературе человеческая жизнь часто сравнивается с бегом на ристалище. Поликсена достойно завершила свой бег, одержала духовную победу над врагами и теперь вознаграждается листьями. Шепард (с. 73): «Когда победитель возвращался с игр или завоеватель с войны, народ осыпал его листьями, подобно тому как мы бросаем цветы или конфетти.»

¹²⁸ Греки трудятся преимущественно ради Ахилла, но и для Поликсены тоже. В некотором смысле бывшие господа теперь, на краткое время, становятся её рабами, служат её телу. Более того, некоторые из господ, самые надменные, потому что не желают трудиться, принуждены выслушивать упрёки из-за рабыни. Для духа Поликсены это ещё две победы.

¹²⁹ Очевидно, от каждого требовалось принести что-нибудь из своей части награбленной добычи.

Гек. Из бед не знаю, дочь, смотреть мне на какую, 585
так много их вокруг. Одной беды коснуться
другая не даёт, а третья чуть поодаль
зовёт меня к себе и боль сменяет болью.
Как можно не стонать от этого несчастья,
как выбросить его из головы понурой? 590
Но всё же ты сняла излишек боли¹³⁰ вестью
о мужестве своём! Не странно ли, что злаки,
когда радушен бог, растут и на суглинке,
а добрая земля, не вспоена дождями,
приносит скудный плод, но человек негодный 595
останется плохим, ничуть не изменяясь,
и благородный дух пребудет благородным,
и доблестной душе не повредят несчастья?
Тут кровь играет роль? А, может, воспитанье?¹³¹
Вполне возможно, кровь. Но воспитанье тоже 600
добро преподаёт. Когда ты образован,
ты можешь зло с добром разумно сопоставить.
Вот вам стрела ума, свистевшая напрасно!
Ты к лагерю ступай и попроси аргосцев
не трогать дочь мою, пусть воины не ходят 605
на девушку глазеть!¹³² Скопление мужланов
не ведает узды, а похоть мореходов
безудержней огня! Лишь трусы там не звери!¹³³
Ты, старая раба, сходи с кувшином к морю,
там зачерпни воды и сразу возвращайся! 610
Я дочь хочу почтить последним омовеньем,¹³⁴
невесту без венца, недевственную деву,¹³⁵

¹³⁰ Даже здесь проявляется стремление античного человека к мере, гармонии во всём, и в страданиях тоже.

¹³¹ По поводу этой и трёх последующих строк ведутся споры, подложны они или принадлежат Еврипиду. Нельзя ответить на этот вопрос с полной уверенностью, однако я присоединяюсь к тем, кто ставит эти строки в скобки, по той причине, что их язык непохож на обычный язык Еврипида. В данном случае я руководствуюсь не более чем интуицией.

¹³² Гекуба находится в такой агонии, что забывает о своём положении бесправной рабыни, в ней просыпается царица. Возможно также, что героическая смерть дочери возвысила и мать в глазах её хозяев, и та чувствует, что к ней вернулось нечто от её прежнего статуса.

¹³³ Тут, очевидно, Талфибий уходит, ничего не говоря.

¹³⁴ Ритуальное омовение совершалось перед свадьбой и похоронами. Здесь имеет место и то, и другое, поскольку Поликсена является невестой Аида (Грегори, с. 120; Ковач, с. 453). Шеппард (с. 74): «Если бы Поликсена осталась живой и стала невестой [т.е. если бы не было Троянской войны – В.], её мать омыла бы её священной водой реки Скамандр и одела бы её красиво к свадьбе. Теперь она может лишь омыть и умастить тело этой “невесты Аида”, и украсить её для погребального костра».

¹³⁵ В оригинале красивая и плохо поддающаяся переводу строка: «νύμφην τ' ἄνυμφον παρθένον τ' ἀπάρθειον» («невесту невестную и деву недевственную»). Хэдди (с. 73): «Вполне возможно, что Гекуба здесь имеет в виду смертный союз Ахилла и Поликсены: в этом призрачном браке её нельзя считать ни женой, ни девушкой в строгом смысле этих слов». Также возможно, что Гекуба имеет в виду брак Поликсены с Аидом. Грегори (с. 120): «Смерть молодой женщины до брака обычно уподобляется союзу с Аидом». Возражая против того, что Поликсена – невеста Аида, можно сказать, что она уже обещана духу Ахилла и, следовательно, Ахилл, а не Аид, является её женихом и супругом. Еврипид здесь предпочитает не выражаться ясно, но дать зрителю самому решить, что ждёт дух Поликсены в загробном царстве.

земле симунтской¹⁴¹ горе,
погибель нам и вам,¹⁴²
один пастух идейский
судил трёх дочерей¹⁴³ 645
богов наиболее блаженных!

И бойня, и копье очаг мой разметали,
толпа лаконских¹⁴⁴ дев у берегов Эвроты¹⁴⁵ 650
заплакала навзрыд, в домах струятся слезы,
бездетная вдова на голову седую
кладёт свою ладонь и раздирает кожу 655
<своих увядших>¹⁴⁶ щёк багряными ногтями!

СЛУЖАНКА

Подруги, как пройти к страдальце Гекубе,
всех женщин и мужчин свободно победившей,
забравшей все призы в соревнованиях бедствий? 660
Хор О чём ты говоришь? Какое зло разносишь?
Твой губительный язык не знает передышки!
Сл. Гекубе я нашла ещё одно мученье!
Легко ли украшать убийственную новость?
Хор А вот и госпожа! Она как раз явилась, 665
покинув свой шатёр, чтоб твой рассказ услышать!
Сл. Несчастнейшая мать! Иначе и не скажешь!
Мертва ты, госпожа, хотя и видишь солнце!
Погибла без детей, без родины, без мужа!
Гек. Яд слов твоих прокис, и новость устарела. 670
Зачем ты принесла бедняжку Поликсену,
ведь сообщили нам, что трудятся ахейцы,
готовя для неё достойную могилу?
Сл. Не зная ничего, она о Поликсене,
страдальца, твердит, а не о горе новом! 675
Гек. Пропала я совсем! Так значит, это тело
пророчицы моей, божественной Кассандры?
Сл. Ты плачешь по живой, а мёртвому ни стона!
На тело посмотри! Накладку я снимаю!

---

¹⁴¹ Симунт (Σιμόντις) или Симоэнт (Σιμόντις) – приток реки Скамандр, протекающей в окрестностях Трои.

¹⁴² Т.е. и троянцам, и грекам в одинаковой степени.

¹⁴³ Парис должен был судить трёх богинь – Геру, Афину и Афродиту – и решить, кто из них самая красивая. Каждая пыталась прельстить Париса дарами. Согласно мифу, Гера пообещала Парису власть над всей Азией, Афина — военные победы и славу. Парис отдал яблоко Афродите (Киприде), которая пообещала наградить его любовью любой женщины, которую он выберет. Интересно, что Парис выносил своё решение не на основании реальных достоинств богинь, а исходя из того, какие дары те ему обещали.

¹⁴⁴ Т.е. спартанских.

¹⁴⁵ Эврот (или Еврот) (Εὐρώτας) – река в Лаконии, на которой расположена Спарта.

¹⁴⁶ Считается, что в этой строке пропущена часть текста. Здесь она восстанавливается.

	Надеялась ли ты на этакое диво? ¹⁴⁷	680
Гек. ¹⁴⁸	На что же я смотрю? На тело Полидора, который был спасён в обители фракийца! Я кончена совсем! И нет меня на свете! Сыночек родной! Ай-ай! Я пою надрывную песнь!	685
	Я только теперь вполне поняла, как давит на грудь губительный дух! ¹⁴⁹	
Сл. ¹⁵⁰	Страдалица моя! Ты видишь гибель сына?	
Гек.	Не верю! Нет и нет! Как странно! Как ужасно! ¹⁵¹ Несчастья идут одно за другим! На свете ни дня уже не прожить без горестных слёз!	690
Хор	Бедняжечка моя! Как страшно мы страдаем!	
Гек.	Ребёнок родной! Сын бедной души! Кто мучил тебя? Какая судьба? Какой человек?	695
Сл.	Не знаю. Труп лежал на берегу залива.	
Гек.	Волною принесён? Лихим копьём повергнут на гладкий песок?	700
Сл.	Пучиной принесён, бушующим прибоем.	
Гек.	Ай-ай! Какой кошмар! Понятен мне стал сон дремлющих глаз, летевший ко мне на чёрных крылах, как будто, сынок, погас для тебя Зевесов огонь!	705
Хор	Но кто его убил? Ты сон-то понимаешь?	
Гек.	Фракиец! Мой друг! Владелец коней! Дал сына ему супруг мой седой!	710
Хор	Как? Сына твоего за золото убили?	
Гек.	Нет имени, нет слов для этого поступка!	

¹⁴⁷ В оригинале – «θαῦμα» («чудо, диво»). Признаться, несколько странное слово в данном контексте, однако Служанка не испытывает такой боли, как Гекуба, и больше думает о том, как поразительно было найти тело Полиместора на берегу моря.

¹⁴⁸ Гекуба начинает говорить преимущественно дохмием – размером, применявшимся в трагедии для выражения плача, горевания и проч. Корифей и Служанка отвечают ей обычным ямбическим триметром (в переводе – шестистопным ямбом), потому что они обе более собранны и не страдают так, как их бывшая госпожа. Более того, контраст в стихотворных размерах создаёт некую пропасть между Гекубой и остальными, показывая, как она одинока в своей боли.

¹⁴⁹ В оригинале – «ἀλάστωρ» («дух мщения»). По верованиям греков, этот дух преследовал смертных, насылая на них всяческие беды либо в отместку за совершённые проступки, либо по велению рока. Гекуба лишь теперь познала всю глубину своего несчастья.

¹⁵⁰ Во всех известных мне изданиях (включая перевод Анненского) эта реплика отдаётся Служанке, лишь у Диггла её произносит Корифей. Диггл не даёт никаких объяснений. Опечатка?

¹⁵¹ В оригинале каждое прилагательное повторяется: «ἄλιπτοῖ ἄλιπτα, καὶνὰ καὶνὰ δέρκομαι», что значит «Невероятные, невероятные, странные, странные (или: новые, невиданные) (вещи) я вижу». К сожалению, эти повторы нельзя передать в переводе.

Совсем искоренён закон гостеприимства!¹⁵² 715
 Проклятый негодяй! Как ты его изрезал,
 как жутко искромсал мечом своим железным
 ребёнка моего! Ах, изверг бессердечный! 720
 Хор Несчастливая душа! Кем ни был бы твой демон,
 тебя он покарал сильнее, чем прочих смертных!
 Но вот и господин, великий Агамемнон!
 Пора нам замолчать, любезные подруги! 725

АГАМЕМНОН

Гекуба, что стоишь и дочь не похоронишь?
 Талфибий мне сказал, что ты сама просила,
 чтоб дочери твоей аргосцы не касались,
 поэтому никто не приближался к телу.
 Чего же ты? Проснись! Меня ты поражает!
 Я за тобой пришёл. Мы сделали всё славно,¹⁵³ 730
 хотя нам говорить о славе неприлично.¹⁵⁴
 А! Что там у шатра? Что это за покойник?
 Троянец? Это так? Мне пеплос неаргивский,
 закутавший его, об этом возвещает! 735
 Гек. Несчастливая! К себе я ныне обращаюсь.
 Гекуба,¹⁵⁵ как мне быть? Что скажет Агамемнон?
 Упасть к его ногам? Домучиться безмолвно?
 Аг. Ты почему спиной ко мне оборотилась?
 Что плачешь и молчишь? Скажи, кто этот мёртвый? 740
 Гек. А если он меня, рабыню, от колена
 жестоко оттолкнёт и лишь прибавит боли?
 Аг. Пойми, я не пророк, и я без объяснений
 так просто не пойму, где мысль твоя блуждает!
 Гек. А вдруг я не права, врагом его считая? 745
 А вдруг его душа не знает неприязни?
 Аг. Не хочешь говорить? Тогда и я согласен
 с решением твоим, и слушать не желаю!
 Гек. За деточек моих не отомстить, конечно,
 без помощи врага. Чего же тут и думать? 750
 Приходится рискнуть, успешно или тщетно!
 Я бороду твою сжимаю, Агамемнон!

¹⁵² В Древней Греции существовали дружеские отношения между семьями, жившими в разных местностях. По взаимному соглашению представители этих семей имели право рассчитывать на гостеприимство и поддержку друг друга. Этот обычай взаимопомощи был очень важным во времена, когда путешествие было весьма трудным и опасным занятием. Отношения хозяина и гостя считались священными, а их нарушение рассматривалось как тяжкое преступление против богов и людей.

¹⁵³ Наверное, стёрты следы крови и всё приготовлено к погребению – костёр, украшения и проч.

¹⁵⁴ Напомню, что Агамемнон был против убийства Поликсены.

¹⁵⁵ Гекуба какое-то время будет разговаривать сама с собой, не обращая внимания на реплики Агамемнона. Этот драматургический приём вполне мог быть изобретён Еврипидом.

- Касаюсь и колен, и доблестной десницы!¹⁵⁶
- Аг. О чём ты? Говори! Наверное, свободной ты хочешь умереть? Устроить это просто!¹⁵⁷ 755
- Гек. Не надо! Я хочу лишь мести негодяям, за что готова век рабыней оставаться!¹⁵⁸
- Аг. О чём же ты тогда? Какой поддержки просишь?
- Гек. Нет, вождь! Я не о том, о чём ты мог подумать! Вот видишь? Это труп! О нём я и рыдаю! 760
- Аг. Да, вижу хорошо. Но что всё это значит?
- Гек. Его я родила! Под поясом носила!¹⁵⁹
- Аг. Он, женщина, твой сын? Однако же который?
- Гек. Нет, этот Приамид не пал под Илионом!
- Аг. Ты разве и других, несчастная, рожала?¹⁶⁰ 765
- Гек. Напрасные труды! Смотри, что получилось!
- Аг. И где же мальчик был, когда громили город?
- Гек. Чтоб жизнь ему спасти, отец его отправил...
- Аг. Куда? И лишь его? Из целого семейства?
- Гек. ...в соседнюю страну, где сына и убили! 770
- Аг. А это та страна, где правит Полиместор?
- Гек. Там деточка хранил горчайшее богатство!
- Аг. А кто его убил? Какой удар несчастья?
- Гек. Тот самый друг семьи! Фракийский душегубец!¹⁶¹
- Аг. Он к золоту, злодей, желаньем распалился? 775
- Гек. Как только разузнал о бедствии фригийцев!
- Аг. Где сына ты нашла? Кто вам доставил тело?
- Гек. Служанка принесла с морского побережья!
- Аг. Искать его пойдя? Другое что-то сделать?
- Гек. Водицы зачерпнуть для мёртвой Поликсены. 780
- Аг. Ваш друг его убил и, видно, бросил в море.

¹⁵⁶ Это формальная мольба о помощи, которая ставит Агамемнона перед необходимостью сделать выбор, помогать или нет.

¹⁵⁷ Гекуба – рабыня Агамемнона, и он волен поступать с ней, как ему вздумается. Он может её убить, если ему так захочется, или отпустить на все четыре стороны. Более того, Агамемнон наверняка чувствует угрызения совести за то, что ему не удалось спасти Поликсену, поэтому он мог бы дать свободу её матери в качестве компенсации. Более того, дочь Гекубы, Кассандра, его любимая наложница, и он испытывает некую ответственность за её мать. У древних греков была клановая ментальность, и весь мир делился на «своих» и «чужих». В каком-то смысле Кассандра и Гекуба являются для Агамемнона частью его клана, т.е. «своими».

¹⁵⁸ Эта важная реплика Гекубы отсутствует в некоторых рукописях и порой удаляется редакторами. Я согласен с Грегори (с. 135), что этого делать не следует.

¹⁵⁹ В оригинале – «τοῦτόν ποτ' ἔτεκον κάφερον ζώνης ὕλο» («я родила его некогда и носила под поясом»). Гекуба считает неприличным сказать «в чреве». Наверное, при этих словах Гекуба указывает на свой пояс. При постановке для ясности можно сказать: «Его я родила и выносила в чреве!»

¹⁶⁰ Грегори (с. 136): «Агамемнон показывает, что греки ничего не знали о Полидоре. Их незнание ещё больше помогает Гекубе интуитивно определить Полиместора, как убийцу её сына; по методу исключения, он [остаётся] очевидным подозреваемым».

¹⁶¹ Хэдли (с. 82): «Репутация, которой пользовались фракийцы в Греции, не была хорошей. Они были печально известны своей жестокостью <...>. Они были швейцарцами своего времени, готовыми продать свои мечи любому нанимателю и с любой целью, а также готовыми предать падающего хозяина.»

Гек.	Блуждать по воле волн! ¹⁶² Как сына он изрезал!	
Аг.	Мучения твои воистину безмерны!	
Гек.	Мне больше не вместить. Я стёрта, Агамемнон. ¹⁶³	
Аг.	Под солнцем не найти страданицу такую!	785
Гек.	Нет, если не считать Несчастье человеком! ¹⁶⁴	
	Но для чего к твоим припала я коленам, услышь! И если ты сочтёшь мои мученья заслуженными мной, то я терпеть их буду, а если не сочтёшь – давай казним злодея,	790
	кто, не страшась богов подземных и небесных, поступок совершил на всей земле подлейший! Он с нами ел и пил, и был мне первым другом, ¹⁶⁵ обласкан, как родной, в радушном нашем доме!	
	Всё взял, что только мог, и, выгодою движим, убил! И пусть бы так, но даже и могилой ¹⁶⁶ ребёнка не почтил, а просто бросил в море!	795
	Я сделалась рабой. Я знаю, что бессильна, но боги ведь сильны, как и закон над ними, ¹⁶⁷ а именно закон даёт нам веру в небо,	800
	способность отличать неправедность от правды! ¹⁶⁸ И если ты закон, к тебе сейчас пришедший, презришь и не воздашь дрянным гостеубийцам, хулителям богов, ломающим святыни, ¹⁶⁹	
	то, значит, в мире нет ни капли благородства!	805
	Подумай, постыдись, и, движим состраданьем, шагни теперь назад, как сделал бы художник, чтоб лучше разглядеть мазки моих несчастий! ¹⁷⁰	
	Царица всей страны твоей рабою стала, мать, гордая детьми – бездетною старухой,	810
	без дома, без друзей, жалчайшая на свете!	

¹⁶² В оригинале интересное длинное прилагательное на полстроки – «θαλασσόπλαγκτόν» («блуждающий по морю» и т.п.).

¹⁶³ Шепард (с. 77): «Эта строка трагична, потому что мы знаем, что ей предстоит ещё гораздо больше страданий».

¹⁶⁴ Это персонифицированное Несчастье, очевидно, не только вызывает страдания, но и само их испытывает.

¹⁶⁵ Эта строка и четыре последующих (до слова «море») считаются либо испорченными, либо подложными.

¹⁶⁶ В древности считалось, что душа непогребённого мертвеца не может обрести покоя. Этого страшно боялись, а во время войн, как правило, хоронили даже убитых врагов.

¹⁶⁷ Греки верили в некий вселенский закон, которому подчиняются даже бессмертные.

¹⁶⁸ Можно усмотреть в этих словах отголосок того времени, когда молодой Еврипид занимался философией с великим Анаксагором. Именно потому, что мы чувствуем и постигаем присутствие некоего порядка, некоего закона, управляющего мирозданием, каким бы жестоким и несправедливым оно порой ни было, мы приходим к выводу о том, что существуют боги и высший, более справедливый мир.

¹⁶⁹ В порыве негодования Гекуба, очевидно, намекает на разрушение греками храмов Трои. Напоминать об этом Агамемнону – не очень счастливая мысль.

¹⁷⁰ Хэдли (с. 85): «Еврипид в юные годы учился живописи».

Ах, как мне тяжело! Куда же ты уходишь?¹⁷¹
 Всё в мире суета! Везде одно лишь горе!
 Чего мы всё снуём, на разные науки
 растрачиваем жизнь, гоняемся за знанием? 815
 Нам лучше бы учить риторику,¹⁷² царицу
 всех стран и всех людей, зубрить её годами,
 платя учителям, чтоб, если приведётся,
 словами убедить противника любого!
 Как можно ожидать хоть в чём-нибудь удачи? 820
 Имела я детей, и вот осиротела,
 и сделалась рабой, в бесчестье уводимой,
 и вижу только дым, окутавший мой город!¹⁷³
 Притом (скорей всего, намеренье пустое –
 Киприду¹⁷⁴ поминать, но пусть уж говорится¹⁷⁵) 825
 ты дочь мою забрал, которую фригийцы
 Кассандрою зовут, вещательницу Феба!
 Во что ты ценишь, вождь, её ночные ласки?¹⁷⁶
 Наградой какой за страстные объятья
 ты дочь и, значит, мать пожаловать захочешь? 830
 Нам, смертным, темнота и наслажденья ночи
 дают великий дар – сладчайшее блаженство.¹⁷⁷
 Послушай, что скажу! Покойника ты видишь?
 Он свойственник¹⁷⁸ тебе! Ты ведь своим поможешь?
 Остался лишь один, уже последний довод!¹⁷⁹ 835
 Ах, если б у меня и руки, и предплечья

¹⁷¹ Хэдли (с. 85): «Можно предположить, что в этот момент Агамемнон отворачивается от неё, либо пытаясь не выдать своё эмоциональное состояние, вызванное жалостными мольбами Гекубы, либо чтобы избавиться от её настойчивых просьб.»

¹⁷² В оригинале – «πειθώ», «искусство убеждения».

¹⁷³ Ковач удаляет это предложение, занимающее три строки. Очевидно, ему кажется, что бедная женщина, умоляющая своего господина, не может повторяться. С этим удалением далеко не все согласны. Гекуба, отчаявшись убедить Агамемнона и находясь на грани безумия, возвращается к проговариванию своего горя, повторяя уже сказанное, как заклинание. Психологически это очень сильный ход, являющийся ещё одним свидетельством мастерства Еврипида.

¹⁷⁴ Киприда – прозвище богини любви, Афродиты, которая родилась из морской пены у острова Кипр. Обычно слово «Киприда» означает половую любовь.

¹⁷⁵ В оригинале тоже безличный глагол – «εἰρήσεται». Гекубу как бы несёт волна речи, на волно которой она отдаётся.

¹⁷⁶ Гекуба теперь прибегает к аргументации, моральная ценность которой весьма сомнительна, и за это её много критиковали уже древние комментаторы (см. Грегори, с. 143). Однако не нужно упускать из виду, что она находится в отчаянии столь полном, что готова ухватиться за что угодно, даже торговать любовью своей дочери, чтобы отомстить за смерть сына. Худшее унижение некогда великой царицы трудно себе представить, тем более что эта аргументация совсем никакая: Кассандра – собственность Агамемнона, и он никому ничего за неё не должен.

¹⁷⁷ Эта строка и предыдущая иногда объявляются подложными, на мой взгляд, совершенно незаслуженно. Как пишет Грегори (с. 144), «критики имеют обыкновение браковать подобные общие утверждения, не принимая во внимание любовь древних к афоризмам».

¹⁷⁸ Убитый Полидор является братом сожительницы Агамемнона. Назвать его на этом основании «свойственником» («κνηδεστής») вождя греков можно лишь с большой натяжкой, однако аудитория, уже находясь на стороне Гекубы, может не обратить внимания на такую тонкость.

¹⁷⁹ Это – часть как бы внутреннего монолога Гекубы, которая оценивает и выстраивает свою речь.

- заговорили вдруг, и волосы, и ноги
волшебным ремеслом Дедала¹⁸⁰ ли, богов ли,
как начали б они тебе сжимать колени,
как с плачем умолять роскошными словами! 840
О, повелитель мой!¹⁸¹ О, высший свет Эллады!
Услышь мою мольбу! Да! Я стара, ничтожна,
но дай мне отомстить рукой твоей могучей!
Достойный человек поддерживает правду
и платит злом за зло, карая негодяев!¹⁸² 845
- Хор Как странно свой закон вершит необходимость,
объединяя жизнь и снова разделяя!
Наигорчайший враг становится нам другом,
а близкий человек – врагом непримиримым!
- Аг. Гекуба! И тебя, и мальчика мне жалко, 850
я горестной руке и бедам сострадаю.
Хочу я, чтоб злодей в угоду и бессмертным,
и высшему добру наказан был жестоко,
но нужно рассудить, как и тебя уважить,
и мысли не подать, что это для Кассандры 855
решил я отомстить правителю фракийцев.
Такая у меня сложилась незадача:
считает наша рать, что я ей друг, а этот
погибший человек – противник ненавистный,
и жалости моей бойцы не разделяют. 860
Ну, взвесь мои слова! Готов я стать опорой
и быстро прибежать, когда нужна защита,
но замедляю шаг под критикой ахейцев!¹⁸³
- Гек. Вот, значит, как!¹⁸⁴
Никто среди людей не может быть свободным.¹⁸⁵
Тот золоту холоп, а этот – пленник рока, 865
тому – родной народ, а этому – законы

¹⁸⁰ Дедал (Δαίδαλος) – мифологический изобретатель и живописец, отец Икара. Согласно древнему комментарию к этим строкам, Дедал создавал статуи, которые могли двигаться и говорить (см. Грегори, с. 145 и Хэдли, с. 87).

¹⁸¹ Шеппард (с. 77): «Гекуба, царица Трои, никогда [раньше] не называла ни Агамемнона, ни кого-либо другого, повелителем». Хэдли (с. 87): «Пафос этого обращения падшей царицы к её “повелителю” [поистине] велик».

¹⁸² Шеппард (с. 78): «Заключительное двустипхиное провозглашает грубый закон возмездия, согласно которому поступит сама Гекуба. Когда сочинялась эта пьеса, лучшие умы, такие, как ум Сократа, отрицали правильность [этого закона]. “Почитай богов, родителей, чужеземцев [strangers] и законы», – гласит древняя греческая мораль, но также “Причиняй вред своим врагам любыми возможными способами”. Древний закон возмездия был “око за око” и т.д. Однако Сократ и те, кто, как Еврипид, думали одинаково с ним, верили в высший закон, требующий от нас делать добро как врагам, так и друзьям, потому что, если мы вредим врагу, мы на самом деле вредим самим себе».

¹⁸³ Агамемнон – не самый храбрый воин, однако здесь он действительно говорит правду, а не пытается найти оправдание своей нерешительности. Даже непобедимый Ахилл боялся сплетен и порицаний своих воинов. Слава, репутация для античного героя – это всё, а её очернение гораздо хуже смерти.

¹⁸⁴ В оригинале – традиционное восклицание «феѳ», т.е. «увы!»

¹⁸⁵ Шеппард (с. 78): «Гекуба, рабыня, вдруг видит, что царь Агамемнон сам не свободен – его характер делает его рабом общественного мнения и личной страсти».

- мешают воплотить предначертанье сердца.
Я вижу, ты дрожишь и потакаешь черни,¹⁸⁶
однако я тебя освобожу от страха.
- Ты только помоги в намерении мести, 870
но в действии не будь сообщником убийства.
А если зашумят и ринутся ахейцы
фракийца от беды заслуженной избавить,
сдержи их как бы сам, совсем не мне в угоду.
Всё прочее, поверь, я и сама устрою. 875
- Аг. Сама? Но чем и как? Дряхлеющей ладонью
ты стиснешь острый меч и варвара прикончишь?
Подсыплешь яд ему? Бойцов к нему отправишь?
Да где тебе их взять? Кто друг тебе на свете?
- Гек. Скрывается в шатре толпа моих троянок. 880
- Аг. Иначе говоря, толпа рабынь Эллады?
Гек. Они мне подсобят в убийстве негодяя.
Аг. Но разве женских рук мужчина устрасится?
Гек. Ужасен женский пол, когда сплочён коварством!
Аг. Ужасен, это так. Но не отмечен силой.¹⁸⁷ 885
- Гек. Не жёны ли, скажи, сгубили род Египта¹⁸⁸
и Лемнос от мужчин очистили ножами?¹⁸⁹
А мы поступим так.¹⁹⁰ Без дальних рассуждений
пускай одна раба распустит слух по войску,
другая же пойдёт и сообщит фракийцу:¹⁹¹ 890
«Гекуба, госпожа бывшего Илиона,
тебя зовёт к себе, с твоими сыновьями.
Не менее, чем ей, нужна вам эта встреча.
Она всё объяснит.» А с телом Поликсены,
убитой в этот день, помедли, Агамемнон, 895
пускай в одном костре сожгут её и брата,
два горя глаз моих, а кости похоронят.
- Аг. Ну ладно. Я так рад, что задержалось войско,

¹⁸⁶ При обычных обстоятельствах царь и герой Агамемнон был бы оскорблён такими словами, однако теперь, чувствуя укоры совести, он позволяет Гекубе произнести их безнаказанно.

¹⁸⁷ Шепард (с. 79): «Когда Агамемнон приедет домой, он поймёт свою ошибку».

¹⁸⁸ Данай (Δαναός) – сын египетского царя Бела и брат Египта (в данном случае Египет – это имя человека). Получил прорицание, что погибнет от руки зятя. Его пятьдесят дочерей взяли себе в мужья сыновей Египта и во время брачной ночи, по сговору, перебили их. Лишь Гипермнестра послушалась отца и сохранила жизнь своему мужу, Линкею. По одной из версий, от руки Линкея впоследствии и погибли Данай и его дочери. За преступление мужеубийства Данаиды были осуждены на том свете, в царстве Аида, бесконечно наполнять бездонную бочку.

¹⁸⁹ Ковач (с. 479): «Женщины острова Лемнос начали испускать омерзительный запах по воле Афродиты, которой они перестали поклоняться. Их мужья привезли себе сожительниц из Фракии, и в отместку [женщины] поубивали всех мужчин, кроме Фоанта, которого пощадила его дочь Гипсипила».

¹⁹⁰ Грегори (с. 151): «В этот момент Гекуба, кажется, полагает, что уже заручилась поддержкой Агамемнона; соответственно, она воздерживается от мольбы».

¹⁹¹ В оригинале – прямое обращение к рабыне, которое можно спутать с обращением к самому Агамемнону. Вследствие особенностей древнегреческого языка путаницы не возникает, но в переводе пришлось немного изменить строку. Вот более точный вариант: «А ты отправься в путь и сообщи фракийцу».

иначе бы помочь тебе не получилось.
Пока не вывел бог благоприятный ветер,
должны мы тут сидеть и смиренно ждать погоды.
Ну что ж, удачи вам! И гражданам обычным,
и целым городам угодно, чтоб злодею
досталось только зло, а честному – блаженство.¹⁹²

- Хор А тебе, Илион, мой отец, 905
не бывать больше городом крепким,
туча греков накрыла тебя,
ливнем копий тугих исхлестала!
Пообрезаны башен венцы, 910
весь ты вычернен копотью липкой!
Как ты жалок, родной! Никогда,
никогда я тебя не увижу!
- Я погибла в полуночный час.
Нежный сон по глазам растекался, 915
смокнул пир, утомились певцы.
Мой супруг, наплясавшись над жертвой,
спать улёгся, повесив копьё
на приколыш стенной, деревянный.¹⁹³ 920
Кто же знал, что толпа моряков
Илион захватила троядский!¹⁹⁴
- Волнение локонов упругих
под лентой томно усмирив,¹⁹⁵
мерцанием зеркал бездонных¹⁹⁶ 925

¹⁹² Грегори (с. 152): «Разреши́в свой конфликт лояльностей <...> с помощью Гекубы, Агамемнон в своём заключительном рассуждении возвращается на позицию успешного лидера, способного служить общим интересам индивидуума и общества».

¹⁹³ Грегори (с. 156): «Эта деталь – оружие, повешенное на стенной колышек <...>, создаёт образ уязвимости города, который ослабил свою бдительность».

¹⁹⁴ Греки обманули троянцев, сделав вид, что отплыли домой, а потом, когда те заснули после радостного пира, вернулись. Воины, прятавшиеся в Троянском коне, открыли им городские ворота. Трояда (Τροάδα) – древнее название полуострова на северо-западе Малой Азии, где находился город Троя.

¹⁹⁵ В оригинале – митра («μίτρα») (во множ. числе). Так у Анненского: «Я же локоны на ночь густые || Убирала под митру». Однако я согласен с Грегори (с. 156), что митру, хотя она и является восточным головным убором, троянки вряд ли надевали на ночь. Вероятно, здесь имеется в виду ночная повязка или сетка.

¹⁹⁶ В оригинале – «зеркал» (ἐνὸλτρων). Грегори (с. 157) считает это «поэтическим множественным числом», т.е. что Еврипид имеет в виду одно зеркало, используя, как и в случае с повязкой, множественное число для достижения поэтического эффекта. Это вполне возможно. Еврипид и в самом деле часто прибегает к такому приёму. С другой стороны, множественное число тоже имеет смысл, и некоторые комментаторы сохраняют его в переводе, например, Н.Е. Коллиндж [N.E. Collinge] (цит. Грегори, с. 157), считающий, что женщина держит одно зеркало в правой руке и одно в левой, чтобы рассмотреть свою причёску и сзади (очевидно, и сзади (очевидно, она надеется, что ее захмелевший муж проснётся). В пользу двух зеркал, на мой взгляд, говорят два обстоятельства. Во-первых, не следует менять множественное число оригинала на другой вариант, который представляется нам лучшим, если во множественном числе может заключаться свой смысл, как в данном случае (но не в случае с митрой – две митры надеть на голову можно, но женщина не стала бы этого делать, а вот взять в руки по зеркалу – другое дело). Во-вторых,

я любовалась перед сном,
но тут над городом троянским
затрепетал истошный крик:
«Сыны Эллады, ну когда же
вы разгромите эту Трою
и все отправитесь домой?»» 930

Надев лишь пеплос, как дорийка,¹⁹⁷
покинув милую постель,
как я молилась Артемиде!¹⁹⁸ 935
Но муж погиб, а я пришла
рабой на вражеское судно!
Смотря на милый город мой
под плеск разгорячённых вёсел, 940
прощаясь тихо с Илионом,
я вся слезами залилась,

кляня сестрицу Диоскуров,
Елену, вместе с пастухом, 945
Парисом гибельным, идейским!
Принёс мне их небрачный брак,
напав, как демон беспощадный,
изгнание, гибель и позор!
Пусть море даль ей перекроет! 950
Пусть не придёт она домой!¹⁹⁹

ПОЛИМЕСТОР

Милейший друг, Приам! Любимейшая сердцем²⁰⁰
Гекуба! Я в слезах на твой очаг взираю,
на доченьку твою, убитую недавно!²⁰¹ 955
Ужасно!²⁰²
Ни веры больше нет, ни чести, ни надежды,

фраза «бездонные лучи» или «бесчисленные лучи» («ἀτέρμονας αὐγὰς») может намекать как на глубину зеркала, так и на эффект бездонности, получающийся, когда зеркала отражаются одно в другом. Женщина могла взять два зеркала, чтобы рассмотреть свою причёску, и застыть, заворожённая их бездонным золотым взаимоотражением – последним светом своего счастья и благополучия. По поводу золота см. Хэдли (с. 92): «Упоминание зеркал, наверное, опять является лёгким анахронизмом. Гомер не говорит о них, и самые ранние [образцы] не датируются, кажется, более древним временем, чем 500 г. до н.э. Мы часто слышим о серебряных и бронзовых зеркалах, но не о золотых. Поэтому <...> можно предположить, что этот эпитет был выбран поэтом для подчёркивания картины роскошной непринуждённости, чтобы таким образом оттенить контраст».

¹⁹⁷ Т.е. спартанская девушка. Они одевались более свободно, чем остальные греки.

¹⁹⁸ Артемида была на стороне троянцев.

¹⁹⁹ Этому проклятию не дано было исполниться. Елена благополучно вернулась домой, в Спарту.

²⁰⁰ Эта строка иногда объявляется подложной, потому что Приама уже нет в живых и Полиместор не может к нему обращаться. Однако возможно и такое объяснение: находясь перед царицей Трои, хотя и низложенной, опытный льстец сначала выказывает почтение духу ее мужа, чтобы показать, что Приам, даже мёртвый, для него жив и остаётся ему другом.

²⁰¹ Полиместор думает, что это тело Поликсены лежит на песке.

²⁰² В оригинале – традиционное восклицание «феѳ», т.е. «увы!».

- что добрый человек не станет несчастливым!
 Да, нами божества и так, и этак вертят,
 запутывая нас, чтоб мы им поклонялись
 в невежестве своём! Зачем так убиваться? 960
 Поправят ли беду все наши причитанья?
 Ты ведь винишь меня, что не был я с тобою?
 Не надо! По земле я странствовал фракийской,
 когда вас привезли, а лишь домой приехал,
 то ринулся к тебе, но у дверей столкнулся 965
 с рабынею твоей, про всё мне рассказавшей!
 Я выслушал её и прибежал мгновенно!
- Гек. Стыжусь тебе в глаза смотреть я, Полиместор,
 совсем окружена водоворотом бедствий.²⁰³
 В присутствии того, кто видел мой достаток, 970
 мне совестно теперь явиться неимущей
 и трудно на тебя спокойный взор направить.
 Однако не считай, что я тебе враждебна!
 И также не велит обычай, Полиместор,
 чтоб женщины мужчин разглядывали явно.²⁰⁴ 975
- Пол. А я не удивлён. Зачем тебе я нужен?
 И для чего просить, чтоб я пришёл из дома?²⁰⁵
- Гек. Хочу я и тебе сказать о личном деле,
 и мальчикам твоим. Дай слугам приказанье,
 чтоб отошли от нас и от шатра подальше! 980
- Пол. Идите! Мне тут быть несколько не опасно!
 С тобою мы друзья, и армия ахейцев
 приятна ко мне! Рассказывай скорее!
 Чем я, счастливый муж, могу многострадальным
 друзьям своим помочь? Для вас я всё устрою! 985
- Гек. О сыне расскажи, о милом Полидоре,
 которого тебе мы с мужем поручили.
 Он жив ли? А потом спрошу я и другое.

²⁰³ Гекуба пытается такое отвращение к Полиместору, что не может заставить себя взглянуть ему в глаза. Чтобы не выдать себя, она пытается объяснить своё поведение. Шеппард (с. 80): «Гекуба не смеет взглянуть на Полиместора, боясь, что в её глазах будет видна ненависть. Она притворяется, что чувство бесчестья, вызванное контрастом между её несчастьем и бывшим величием, является причиной». Грегори (с. 163): «Как отказ Гекубы встретиться взглядом с Полиместором можно было выразить актёру в маске? Самое простое решение – она могла [вернее, он мог – В.] стоять перед ним с опущенной головой». Грегори далее пишет, что Ковач предполагает, будто лицо Гекубы покрыто вуалью, а Маркович – что она поворачивается к Полиместору спиной, однако такая неожиданная реакция была бы, наверное, упомянута в тексте. Добавим от себя, что во всём этом нет никакой необходимости, поскольку мы имеем дело с древним театром, который предпочитает описание действия самому действию. Слов Гекубы вполне достаточно. Не нужно ни опускать голову, ни надевать вуаль, ни поворачиваться спиной.

²⁰⁴ Подлинность этих последних двух (а иногда и трёх) строк Гекубы подвергается сомнению. Хэдли (с. 94): «Слабые строки: такая девичья сдержанность не ожидалась бы от женщины возраста и положения Гекубы. Она не смотрит прямо на Полиместора, чтобы не выдать себя выражением своего лица и не заставить своего врага насторожиться». Мне тоже эти строки кажутся лишними после предыдущего объяснения, однако они вполне в стиле Еврипида, и для их удаления нет несомненных оснований.

²⁰⁵ Полиместор, поняв, что ему бояться нечего, становится наглым и деловитым.

Пол. Конечно, мальчик жив! А с ним твоё блаженство!

Гек. Какая речь, мой друг! Достоянная героя! 990

Пол. А что ты от меня ещё узнать хотела?

Гек. Он помнит ли, скажи, о матери любимой?

Пол. Так помнит, что хотел тайком сюда явиться!²⁰⁶

Гек. Ты золото хранишь, доверенное сыну?

Пол. Всё дома у меня! Всё цело-невредимо! 995

Гек. Ты золото храни! Друзей не надо грабить!

Пол. Родная, ты о чём? Я сам богат и счастлив!

Гек. Тебе и сыновьям хочу сказать я что-то...

Пол. Пока не знаю, что! Сейчас ты всё раскроешь!

Гек. Мой самый близкий друг, любимый всей душою! 1000

Пол. Так что же нам с детьми узнать необходимо?

Гек. У Приамидов клад остался под землёю!

Пол. Об этом сообщить ты сыну захотела?

Гек. Да, с помощью твоей! Ты муж благочестивый!

Пол. А мальчиков моих зачем ты призывала? 1005

Гек. Пусть знают и они! А вдруг тебя не станет?

Пол. Хорошие слова! Конечно, так разумней!

Гек. Тебе известен храм²⁰⁷ Афины Илионской?

Пол. Там золото лежит? А как тайник помечен?

Гек. Утопленным в земле высоким чёрным камнем. 1010

Пол. Ты что-нибудь ещё добавить не желаешь?

Гек. Я золото везу. Хочу тебе оставить.

Пол. Где прячешь ты его? В плаще своём таскаешь?

Гек. Оно лежит в шатре, под грудую добычи.

Пол. Но ведь шатёр стоит в кольце судов ахейских! 1015

Гек. Нам, пленницам, дано отдельное жилище.

Пол. Надёжное внутри? Мужчин там не бывает?

Гек. Ахейцев нет в шатре. Мы там одни ютимся.

Иди скорей туда! Неймётся аргивянам
расправить паруса и всем уплыть из Трои! 1020

А после ты пойдёшь с твоими сыновьями
туда, где поселил и моего ребёнка!²⁰⁸

²⁰⁶ Полиместор, сам того не подозревая, говорит правду: дух Полидора, действительно, тайно явился к Гекубе.

²⁰⁷ В оригинале – «στέραι». Это слово можно понимать по-разному: как «дом», «кров», «подземное убежище», «храм» и т.п. Хэдли (с. 96) считает, что имеются в виду подземные тайники, похожие на врезанные в холмы микенские гробницы. Грегори (с. 166) полагает, что речь идёт о храме Афины Илионской, упомянутой в «Илиаде» (VI.88). Ковач переводит «στέραι» как «храм», Анненский тоже. Я согласен с таким переводом, потому что троянцы не стали бы никому рассказывать о своих тайниках; на то они и тайники, чтобы о них знало как можно меньше людей. «Ты знаешь, где тайник Афины Илионской?» – такой вопрос, заданный фракийцу Полиместору, да ещё в присутствии других людей, звучит странно. Скорее всего, Гекуба спрашивает его, знает ли он, где находится храм (что он вполне может знать), а уж потом объясняет, где находится тайник.

²⁰⁸ Т.е. в Аид. Однако Полиместор уже слишком распалён жадностью, чтобы подумать о смысле этих слов. Он полагает, что Гекуба говорит о его возвращении домой.

Пол.	Тоска! Где пройти, причалить, привстать? Я четверолап, как хищник с горы, иду на руках, иду на ногах! Куда мне шагнуть? Куда повернуть? Как этих убийц троянских поймать, сгубивших меня? Эх, подлая чернь! Фригийская грязь! Подохнуть бы вам! Где прячетесь вы? Куда вы ушли? Ах, Гелиос бог! ²¹⁶ Верни мне, верни померкнувший свет кровавых глазниц! Воскресни, мой день, угасший навек! А! А! Эй, всё! Тишина! Я слышу шаги поганных рабынь! Как прыгнуть на них и плоть отодрать от гадких костей, наестся, как зверь на диком пиру, их всех покарать за этот позор, за эту печаль? Но как я пойду? Как брошу детей в аидову сеть вакхических лап, иначе собак, бродящих в горах, накормят моей убитой семьёй! Где встать? Где присесть? Куда мне пойти? Я, словно корабль, спешу подвернуть на вервях морских мой парус льняной, ²¹⁷ хочу защитить уснувших детей! ²¹⁸	1060
Хор	Мучения твои, бедняга, нестерпимы! Позорные дела караются ужасно! Тебя суровый бог тяжёлой ношей давит! ²¹⁹	1085
Пол.	Фракийцы, ай-ай! Где копья? Где рать? Где прыть скакунов, Арэсов народ? Ахейцы, ко мне! Атриды, ко мне! Зову я, кричу! Бегите сюда! Спасите меня! Богами молю! Да слышат ли они? Где помощь? Что так долго? Орава рабынь сгубила меня! Орава рабынь, захваченных в плен!	1090 1095

²¹⁶ Гелиос (Ἥλιος) – бог Солнца.

²¹⁷ Слово «морских» здесь явно плеонастично, но так в оригинале: «ποντίοις πείσμασιν», т.е. «на морских канатах».

²¹⁸ Сложный образ. Сначала Полиместор сравнивал себя с диким зверем. Теперь он вдруг сравнивает себя с кораблём. Перед короткой остановкой греческие суда подворачивали парус канатами на верх мачты, т.е. брали их на гитовы. Полиместор тоже делает короткую остановку, чтобы подоткнуть свою льняную одежду под пояс. Так она не будет путаться у него в ногах, мешая бежать.

²¹⁹ Эта строка считается подложной. Если она принадлежит Еврипиду, то её нужно увязать с предыдущей строкой. Получится такой перевод: «За гнусные дела карает бессердечно || суровый бог тебя, и давит тяжкой ношей!»

- Я так сокрушён! Я так пострадал!
 Ах, срам-то какой!
 Куда мне пойти? Куда побежать?
 Взлететь ли в живой, лазурный эфир, 1100
 где свет Орион и Сириус²²⁰ льют
 из огненных глаз?²²¹ Поплыть ли в Аид 1105
 по чёрной реке, долой от стыда?
- Хор Вполне простительно расстаться с горькой жизнью,
 когда страдаешь так, что вынести не можешь!
- Аг. Пришёл я, слыша крик. Не молчаливо Эхо.
 Дитя скалистых гор над войском пролетело 1110
 дрожанием густым. Когда бы о фригийских
 не знали башнях мы, что все они упали
 под эллинским копьём, немалый был бы ужас!
- Пол. Я голос твой узнал, дражайший Агамемнон!
 Ты только посмотри, что сделали со мною!²²² 1115
- Аг. А!
 Кто так сразил тебя, несчастный Полиместор?
 Кто ослепил тебя, залил глазницы кровью,
 детей твоих убил? Да! Кто бы это ни был,
 тебя с твоей семьёй он люто ненавидел!²²³
- Пол. Гекуба и толпа пленённых вами женщин! 1120
 Я даже не сражён – погублен совершенно!
- Аг. Да что ты! Это так? Ты это натворила?²²⁴
 Гекуба, это ты была так дерзновенна?
- Пол. Ах, что ты говоришь? Она тут где-то рядом?
 Скажи мне, где она! Вцеплюсь в неё когтями! 1125
 На части разорву! Залью бурлящей кровью!
- Аг. Ну что ты! Не кипи! Пол. О, ради всех бессмертных!
 Позволь её убить вот этими руками!²²⁵
- Аг. Ты варварство своё гони долой из сердца!
 Смирись и говори! Хочу я вас обоих 1130
 послушать и понять, за что ты настрадался!²²⁶

²²⁰ Грегори (с. 176): «созвездие Ориона-Охотника или Сириус, звезда созвездия Большого Пса, расположенная в небе у пят Ориона».

²²¹ Грегори (с. 177): «Согласно теории “экстремиссии” греческой оптики, огонь, находящийся в глазах, исходит тонким потоком и смешивается с солнечным светом, создавая зрительный луч, который делает зрение возможным» <...>. Солнце, луна и звёзды представляются “видящими” согласно той же модели».

²²² Грегори пишет (с. 178), что теперь на актёре может быть другая маска, имитирующая окровавленные глазницы. Мы знаем, что такие «дополнительные» маски использовались в эллинистический период.

²²³ Агамемнон прекрасно знает ответы на свои вопросы, но притворяется, что ему ничего не известно.

²²⁴ Обращается к Гекубе.

²²⁵ Более точный, но несколько вялый вариант: «Позволь её схватить неистойвой рукою!»

²²⁶ Хэдли (с. 101-2): «Еврипид наслаждался, как, несомненно, и аудитория его современников, переносом на сцену методов и образов мысли <...> судебных заседаний: доводы и контрдоводы, искусные апелляции к личной заинтересованности, предубеждение и страсть, представленные в форме риторики, всегда увлекательной, пусть иногда и немного натянутой, были отголосками повседневной жизни, приходясь весьма по вкусу остроумным афинским мужам. Менее интеллектуально заинтересованной аудитории

Пол. Изволь.²²⁷ Был Приамид, юнейший сын Гекубы.
 Он звался Полидор. Его ко мне из Трои
 прислал отец, Приам, для жизни безопасной,
 предвидя полный крах троянского оплота. 1135
 Я мальчика убил. Но знай, что в этой смерти
 похвальный был расчёт и замысел глубокий!
 Казалось мне, что враг, в тылу твоём оставлен,
 троянцев соберёт, страну благоустроит,
 ахейцы же, узнав, что живы Приамиды, 1140
 фригийцев добивать отправятся походом,
 а уж потом пожгут фракийские долины
 и всё тут разгромят, и попадут соседи
 в троянский омут, вождь! А нам беды хватает!
 Гекуба, разузнав о смертной доле сына, 1145
 звала меня сюда, поведать обещаю
 про Приамидов клад, лежащий в Илионе,
 про золото своё! Она в шатёр втащила
 меня и сыновей, чтоб нас никто не слышал!
 На ложе я присел и подогнул колени, 1150
 троянки же ко мне, кто слева, а кто справа,
 по-дружески прильнув, хвалили этот пеплос,
 работу челнока, творенье рук эдонских,²²⁸
 разглядывали ткань и к свету поднимали.
 Другие, увидав два дротика фракийских, 1155
 забрали у меня тех братьев остроносых.²²⁹
 Кто были матерями,²³⁰ детей моих держали
 в объятиях своих и тихо уводили
 подальше от отца, друг друга подменяя.
 И тут... Представь себе! Одни вдруг вынимают, 1160
 приветствия шепча, из-под плащей кинжалы,
 вонзают их в детей, другие же хватают,
 врагами обратясь, и руки мне, и ноги!
 Я вырваться хотел, спасти моих сыночков,
 лицо хотел поднять, но эти пригибали 1165
 за волосы меня! Хотел я шевельнуться,
 но женскую толпу не просто пересилить!

наших дней мелодрама, с замысловатыми воспроизведениями видов великого города, доставляет похожее наслаждение».

²²⁷ Полиместор возвращает себе самообладание и начинает рассказывать свою версию событий. Эта способность заставлять себя успокаиваться в любой ситуации высоко ценилась в античности.

²²⁸ Эдонцы — племя, жившее во Фракии. Ткацкое искусство эдонцев славилось в античном мире.

²²⁹ Полиместор явно потерял бдительность, оказавшись в тёмном шатре рядом с молодыми женщинами. Эта строка переведена относительно вольно, чтобы избежать повторения «два» — «двойное». Вот вариант, более близкий к оригиналу: «забрали у меня двойное снаряжение.»

²³⁰ В оригинале: «ὄβρα δὲ τοκάδες ἦσαν», т.е. «а те, которые (уже) приносили потомство». Слово «τοκάδες» чаще всего применяется к самкам животных. Может быть, здесь это слово поставлено намеренно, чтобы выразить как презрение Полиместора, так и его страх перед превращением этих женщин в сущих зверей, о котором ему сейчас предстоит поведать.

- А под конец они – ах, горе горше горя! –
на зверский шаг пошли! Подняв свои булавки,
проткнули мне глаза и захлестнули кровью 1170
скорбящие зрачки, а после разбежались
по тёмному шатру! Одним прыжком поднявшись,
я ринулся, как зверь, на тех собак жестоких,
все стены обошёл, как опытный охотник,²³¹
все вещи разбросал! Я вот как изувечен, 1175
потворствуя тебе, врагов твоих гоняя!
Но чтобы не вещать пространно, Агамемнон,
всё, что про женский пол нам предки говорили,²³²
что сказано теперь и что потом доскажут,
я просто обобщу одной короткой фразой: 1180
подобных тварей нет ни на земле, ни в море!
Любой меня поймёт, кто с женщиной общался!²³³
- Хор Не надо тут грубить! И все свои несчастья
не сваливай на нас, не попрекай всех женщин!
Мы разные, пойми! Одни с пелёнок злые, 1185
других марают злом соседство негодяев!
- Гек.²³⁴ Не стоит полагать, отважный Агамемнон,
что ловкость языка поступки затмевает.
Кто благо совершит, благое и расскажет,
а о дурных делах и повествуют мерзко. 1190
Зачем приукрашать бесчестье словесами?

²³¹ Хэдли (с. 104): «Хороший пример быстроты еврипидовского ума, которая, ведя его к метафоре, делает его неспособным к поддержанию сравнения. Преследуемая добыча, вдруг набрасываясь на своих преследователей из предыдущей строки, становится их охотником».

²³² Хэдли (с. 105): «Как, например, Симонид Аморгский [поэт, живший в VII веке до н.э. – В.Н.], который классифицировал женщин, в соответствии с их характерными чертами, как имеющих свойства свиньи, лисицы, суки, земли, моря, ослицы, кошки, кобылицы, обезьяны, причём в самых некомплементарных выражениях. Впрочем, под конец он признаёт наличие класса (женщин), похожего на пчёл, чьи достоинства он восхваляет, уже не жала, в очень красивом отрывке».

²³³ Хэдли (с. 104-5): «Из-за стоящих особняком выпадов против женщин, подобных этому, игнорируя как их подоплёку, так и героя, в чьи уста они вложены, возникает несправедливое мнение, клеймящее Евр[ипида] как женоненавистника. Для опровержения таковой необоснованной оценки не требуется серьёзного аргумента: простой констатации того, что именно Евр[ипид] создал Алкесту, Ифигению, Макарию и Поликсену, достаточно. Критика, отрицающего в этой пьесе свидетельство характера Поликсены и предпочитающего основывать своё понимание мысли поэта на безумном бреде варвара, не стоит даже выслушивать. Именно сочувственному отношению Еврипида к женщинам, его признанию их способности и к добру, и ко злу, его желанию открыть более широкую сферу влияния для этого пола, <...> мы обязаны галереей женских образов, непревзойдённых до появления Шекспира». Следует, впрочем, добавить, что Еврипид вкладывает подобные выпады против женщин и в уста самих женщин, например, Медеи. Сама Ифигения говорит, что один мужчина ценнее десяти тысяч женщин. Понятно желание Хэдли защитить Еврипида, однако нужно всё-таки признать, что у великого трагика были сложные отношения с женским полом, который и очаровывал его, и отталкивал. Вместе с тем именно Еврипид начал глубоко изучать женскую душу, и в этом отношении он превосходит даже многих позднейших авторов.

²³⁴ Эта речь Гекубы всегда вызывала восхищение своей чёткой выстроенностью и ораторским искусством. Она такая же по длине, как и речь Полиместора (51 строка), но гораздо более эффективна. Шепард (с. 84): «Гекуба излагает дело со всем искусством ораторов, которых она раньше презирала». Хэдли (с. 105): «Гекуба, после краткого вступительного обращения к Агамемнону с осуждением использования риторики для дурного дела, начинает, подобно адвокату, обнажать слабые точки и неправдоподобности в рассказе Полиместора».

Вилявым²³⁵ языком все умники владеют,
 но только их ума надолго не хватает,
 никто не избежит погибели позорной!
 Такое для тебя сказала я вступленье, 1195
 теперь же я ему как следует отвечу.
 Двойную ношу дел²³⁶ с ахейских плеч снимая,
 ты мальчика убил, чтоб рад был Агамемнон.
 Ах, мерзкий негодяй! Да разве может варвар
 так эллинов любить? Повяжутся ли дружбой 1200
 извечные враги? Какую благодарность
 ты рвался получить? Красавицу невесту?
 Ты родственник им всем? Ты как-то с ними связан?
 Ты думал, что они когда-нибудь вернуться
 и всё тут разорят? И кто тебе поверит? 1205
 Нет! Правду говори, что ты убил ребёнка,
 чтоб золотом его казну себе наполнить!
 И вот что разъясни. Когда блистала Троя
 и город синевел в кольце высоких башен,
 когда был жив Приам и в Гекторовой длани 1210
 ещё цело копьё,²³⁷ зачем ты с лестью медлил?
 Ты сына моего и раньше мог зарезать,
 а то и привести живого к аргивянам!
 Куда там! Ты всё ждал! А лишь померкло пламя
 и дым тебе сказал, что город взят врагами, 1215
 ты гостя своего у очага прикончил!
 Но ты ещё подлей! Ты золото ребёнка
 зачем же не отвёз возлюбленным ахейцам?
 Ты сам же говорил, что другу-полководцу
 предназначал казну! Друзья твои годами 1220
 вдали от милых мест лишения терпели!
 Чего же и теперь ты стискиваешь пальцы,
 желая у себя всё золото оставить?
 Исполнил бы свой долг, и вырастил мне сына,
 какая бы тебе досталась в мире слава! 1225
 Хорошие друзья блещут во мраке бедствий,
 а счастьем на земле всегда друзей хватает!
 При трудностях любых мой сын тебе помог бы,
 он был бы для тебя казной неистощимой!
 А что тебе мертвец? Он разве другом станет? 1230
 И что тебе казна? Ты всех детей лишился
 и сам попал в беду! Послушай, Агамемнон!
 Убийцу поддержав, ты станешь сам убийцей,
 нет праведности в нём, и нет ему доверья,

²³⁵ Если это слово кажется слишком необычным, замените на «лукавым».

²³⁶ Чтобы им снова не ходить войной на Трою.

²³⁷ Т.е. было всё в пятнах вражеской крови, как стебель, покрытый красными цветами.

	такого защищать – поступок незаконный!	1235
	Все скажут о тебе: злодей помог злодею!	
	Теперь я замолчу, чтоб не бранить хозяев!	
Хор	Какое пламя слов! Как всё же справедливость подталкивает ум к великолепной речи!	
Аг.	Мне тягостно судить чужие преступления, но ладно, так и быть. И было бы постыдно к суждению приступить, а дела не окончить. Здесь логика проста. Не для меня, конечно, ты гостя погубил, и не для войск ахейских, но ты хотел себе всё золото присвоить.	1240
	Всю душу замарав, ты начал обеляться. Вам, варварам, легко своих гостей тиранить, но это худший срам для эллинского сердца. Как честь я сохраню, оправдывая зверство? Никак не сохраню! Поскольку ты решился недобрый сделать шаг, несладкий плод отведай!	1245
Пол.	Увы! Я побеждён! И кем? Простой рабыней! Я должен отвечать ничтожеству такому!	
Гек.	Судья твой справедлив! Злодей достоин кары! ²³⁸	
Пол.	Ах, где мои глаза! Ах, где мои сыночки!	1255
Гек.	Что, больно? Так страдай! Я разве не страдаю?	
Пол.	Ликуюешь надо мной, коварное отродье?	
Гек.	А как не ликовать? Я славно отомстила!	
Пол.	Ты скоро замолчишь, когда морская влага...	
Гек.	...меня на корабле перенесёт в Элладу?	1260
Пол.	...сомкнётся над тобой, упавшей с верха мачты! ²³⁹	
Гек.	Кто вынудит меня решиться на такое?	
Пол.	А ты сама решишь по лестнице взобраться!	
Гек.	С крылами на спине? С другим приспособлением?	
Пол.	Собакой станешь ты, с багряными глазами!	1265
Гек.	А как же ты узнал про это превращенье?	
Пол.	Дионис мне сказал, фракийский прорицатель!	
Гек.	Зачем же он тебя от горя не избавил?	
Пол.	Тогда бы никогда меня ты не поймала!	
Гек.	И что же? Я умру? Рабой врагов останусь? ²⁴⁰	1270
Пол.	Умрешь! И назовут курган твой злополучный... ²⁴¹	

²³⁸ Все рукописи, кроме одной, отдают эту строку Агамемнону.

²³⁹ В оригинале – «ἐκ καρῆσιών». Имеется в виду смотровая корзина, прикреплённая к верху мачты (Хэдли, с. 108-9). В этот момент на Полиместора нисходит дух пророчества, и тон его речи меняется на торжественный. Мы нередко видим у Еврипида, что, когда человека толкают к самой грани переносимого, вдруг всё человеческое спадает с него и он сливается с некоей всезнающей, божественной силой.

²⁴⁰ В оригинале: «ἐνθάδ», что значит как «здесь», так и «в этом состоянии, положении». Хэдли предпочитает это значение (Хэдли, с. 109). Мне кажется, что это лучшая интерпретация, потому что в любом случае Гекуба «здесь» жить не сможет, будучи рабой Агамемнона, который возвращается в Элладу.

²⁴¹ Слово «злополучный» перенесено сюда из следующей реплики Полиместора, говорящего, что могила Гекубы будет называться «κυνὸς ταλαίνης σῆμα», т.е. «насыпью злополучной собаки». Слово

Гек. По внешности моей, как ты сейчас мне скажешь?
Пол. «Собачьей высотой»!²⁴² Приметой мореходов!
Гек. Мне это всё равно! Я утолилась мстью!
Пол. Добавлю, что убьёт и дочь твою, Кассандру...²⁴³ 1275
Гек. Закрой свой гадкий рот! И сам терпи такое!
Пол. ...вот этого жена,²⁴⁴ страж дома беспощадный!²⁴⁵
Гек. Безумье! Не тревожь рассудок Тиндариды!²⁴⁶
Пол. И этого убьёт, подняв над ним секиру!
Аг. Ты что, сошёл с ума? Ещё не настрадался? 1280
Пол. Руби! Тебя проймаёт кровавой ванной Аргос!²⁴⁷
Аг. Эй, слуги! Оттащить негодника отсюда!
Пол. Что? Больно слушать, вождь? Аг. И рот ему зажмите!²⁴⁸
Пол. Я всё уже сказал! Аг. Куда-нибудь отправьте
его отсюда прочь, на остров попустынной,
за дерзости его, за рот его поганый! 1285
Гекуба! Ты ступай, несчастное создание,
детей похорони! А вы, троянки, живо
в хозяйские шатры! Задул попутный ветер,
и нам пора домой! Доплыть бы нам успешно,
увидеть милый дом спокойным и счастливым,
когда в таком аду живыми мы остались!²⁴⁹ 1290

«злополучный», кажется, характеризует Гекубу, а не является частью названия, иначе название стало бы слишком длинным и неудобопроизносимым. Мыс тоже называется «Киноссема» («κινὸς σῆμα»), т.е. слово «злополучный» в названии отсутствует. Интересно, что ни Ковач, ни Анненский это слово не переводят, считая его лишним. Ковач: «Hound's Grave». Анненский: «Курганом псицы». Грегори считает значение этого слова «неопределённым» («ambiguous») (Грегори, с. 194).

²⁴² Грегори (с. 194): «Киноссемой называется треугольный мыс, выступающий из фракийского Херсонеса в Геллеспонт, создавая проход, опасный для мореходства из-за плохой видимости». См. также «Географию» Страбона (Στράβων; ок. 64/63 до н. э. – ок. 23/24 н. э.; греческий историк и географ): «Плававшая вдоль берегов Херсонеса, после Элеунта подходим сначала ко входу в Пропонтиду через узкий пролив, который называется началом Геллеспонта. Здесь находится мыс Кинос-Сема, хотя некоторые называют его Гекабес-Сема; действительно, после того как обогнёшь мыс, показывают её [Гекубы – В.] могилу. (7.55. Пер. Г.А. Стратановского).

²⁴³ Кассандра погибнет вместе с Агамемноном в Микенах, от рук царицы Клитемнестры и её любовника Эгиста.

²⁴⁴ Указывает на Агамемнона.

²⁴⁵ В оригинале: «κοῖκοῦρὸς λικρά», т.е. «угрюмый страж дома». Анненский так и переводит: «угрюмый страж». Однако Хэдли (с. 109) пишет, что эта фраза означает «страж дома, на горе ему». Это значит, что Агамемнон, уехав осаждать Трою, оставил Клитемнестру единоличной хозяйкой дома, что привело к трагичным для всех последствиям. Мне кажется, это имеет гораздо больший смысл, чем называть Клитемнестру «угрюмой» или «суровой». Впрочем, вот вариант и с таким значением: «супружница его, страж дома невесёлый!»

²⁴⁶ На Клитемнестру, дочь Тиндарея. Хэдли (с. 110): «Безумие другой Тиндариды, Елены, явилось причиной войны и всех её несчастий».

²⁴⁷ Агамемнон был убит во время купания. Интересно, что, ослеплённый своим триумфом, он совершенно забыл о пророчестве Полиместора, пренебрёг предупреждениями Кассандры и не предпринял ничего, чтобы предотвратить свою гибель. Это вообще свойственно трагическим героям – их увлекает поток роковых событий, которому ничего не может помешать.

²⁴⁸ Агамемноном движет не столько раздражение, сколько страх. Он пытается помешать Полиместору накликав на него ещё больше бед.

²⁴⁹ Хэдли (с. 110): «Заметьте иронию этих строк». Возвращение греков будет весьма тяжёлым. Очень многие из них погибнут. Многие, наскитавшись по морям, вернутся на родину нищими. Агамемнон приедет не домой, но в смертельную засаду.

Хор Эй, в шатры и на пристань, подруги!
Испытаем обузу неволи!
Как безжалостна необходимость!²⁵⁰

1295

17.04–15.10.2015, Брисбен

Полная переработка: 04.09–25.10.2020, Брисбен

Последние шлифовки: декабрь 2022, апрель 2023; февраль 2025

---

²⁵⁰ В оригинале слово «ἀνάγκη», которое часто переводится как «судьба», «рок» и т.п. Однако главное значение этого слова – «необходимость». Для своей «Алкесты» Еврипид даже сочинил гимн Необходимости. Хотя «ἀνάγκη» можно в определённом контексте переводить как «судьба» и проч., всё-таки судьба и необходимость – не одно и то же. Многие древние греки верили, что существует некая сила, которая движет мирозданием не потому, что так предопределено, а потому, что по-иному быть не может. Судьба есть некое предопределение, а необходимость – некая извечная данность. Эти понятия во многом сходятся, однако их, на мой взгляд, нельзя считать идентичными.